

Молитва и Жизнь

Антоний, митрополит Сурожский

Предисловие¹

Молитва означает для меня личные отношения. Я не был верующим, затем внезапно открыл Бога, и сразу же Он предстал передо мной как высшая ценность и весь смысл жизни, – но в то же время и как личность. Думаю, что молитва ничего не означает для того, для кого нет объекта молитвы. Вы не можете научить молитве человека, у которого нет чувства Живого Бога; вы можете научить его вести себя в точности так, как если бы он верил, но это не будет живым движением, каким является подлинная молитва. Поэтому в качестве введения к этим беседам о молитве я именно хотел бы передать свою убежденность в личной реальности такого Бога, с Которым могут быть установлены отношения. Затем я попрошу читателя относиться к Богу, как к живому лицу, к соседу, и выражать это свое знание в тех же категориях, в каких он выражает свои отношения с братом или другом. Думаю, что это самое главное.

Одна из причин, почему молитва, общественная или частная, кажется столь мертвой или столь формальной, в том, что слишком часто отсутствует акт богопоклонения, совершающийся в сердце, которое общается с Богом. Каждое выражение, словесное или в действии, может быть помощью, но все это лишь выражение главного, а именно – глубокого безмолвия общения.

Из опыта человеческих взаимоотношений все мы знаем, что любовь и дружба глубоки тогда, когда мы можем молчать друг с другом. Если же для поддержания контакта нам необходимо говорить, мы с уверенностью и грустью должны признать, что взаимоотношения все еще остаются поверхностными; поэтому, если мы хотим молитвенно поклоняться Богу, то должны прежде всего научиться испытывать радость от молчаливого пребывания с Ним. Это легче, чем может показаться сначала; для этого нужно немного времени, немного доверия и решимость начать.

Однажды “Арский Кюре”, французский святой начала девятнадцатого века, спросил старого крестьянина, что он делает, часами сидя в церкви, по-видимому даже и не молясь; крестьянин ответил: “Я гляжу на Него, Он глядит на меня, и нам хорошо вместе”. Этот человек научился говорить с Богом, не нарушая тишину близости словами. Если мы это умеем, то можем употреблять любую форму молитвы. Если же мы захотим, чтобы сама молитва состояла в словах, которые мы употребляем, то безнадежно устанем от них, потому что без глубины молчания эти слова будут поверхностны и скучны.

Но каким вдохновляющими могут быть слова, когда за ними стоит безмолвие, когда они наполнены духом правым:

«Господи, устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою»
(Пс.50:17).

Сущность молитвы

Евангелие от Матфея почти с самого начала ставит нас лицом к лицу с самой сущностью молитвы. Волхвы увидели долгожданную звезду; они немедля пустились в путь, чтобы найти Царя; они пришли к яслям, пали на колени, поклонились и принесли дары; они выразили молитву в ее совершенстве, то есть в созерцании и трепетном поклонении.

В более или менее популярной литературе о молитве часто говорится, что молитва – это захватывающее путешествие. Нередко можно услышать: “Учитесь молиться! Молиться так интересно, так увлекательно, это открытие нового мира, вы встретитесь с Богом, вы найдете путь к духовной жизни”. В каком-то смысле это, разумеется, верно; но при этом забывается нечто гораздо более серьезное: что молитва – это путешествие опасное, и мы не можем пуститься в него без риска. Апостол Павел говорит, что «страшно впасть в руки Бога Живого» ([Евр. 10:31](#)). Поэтому сознательно выйти на встречу с Живым Богом – значит отправиться в страшное путешествие: в каком-то смысле каждая встреча с Богом это Страшный суд. Когда бы мы ни являлись в присутствие Божие, будь то в таинствах или в молитве, мы совершаляем нечто очень опасное, потому что, по слову Писания, Бог есть огонь. И если только мы не готовы без остатка предаться божественному пламени и стать горящей в пустыне купиной, которая горела, не сгорая, это пламя опалит нас, потому что опыт молитвы можно познать лишь изнутри и шутить с ним нельзя.

Приближение к Богу всегда бывает открытием и красоты Божией, и расстояния, которое лежит между Ним и нами. “Расстояние” – слово неточное, ибо оно не определяется тем, что Бог свят, а мы грешны. Расстояние определяется отношением грешника к Богу. Мы можем приближаться к Богу, только если делаем это с сознанием, что приходим на суд. Если мы приходим, осудив себя; если мы приходим, потому что любим Его, несмотря на нашу собственную неверность; если мы приходим к Нему, любя Его больше, чем благополучие, в котором Его нет, тогда мы для Него открыты и Он открыт для нас, и расстояния нет; Господь приходит совсем близко, в любви и сострадании. Но если мы стоим перед Богом в броне своей гордости, своей самоуверенности, если мы стоим перед Ним так, как будто имеем на это право, если мы стоим и требует от Него ответа, то расстояние, отделяющее творение от Творца, становится бесконечным. Английский писатель К. С. Льюис² высказывает мысль, что в этом смысле расстояние относительно: когда Денница предстал перед

Богом, вопрошая Его, – в тот самый миг, когда он задал свой вопрос не для того, чтобы в смирении понять, но чтобы принудить Бога к ответу, он оказался на бесконечном расстоянии от Бога. Бог не двинулся, не двинулся и сатана, но и без всякого движения они оказались бесконечно отдалены друг от друга.

Когда бы мы ни приближались к Богу, контраст между тем, что есть Он и что представляем собой мы, становится ужасающе ясным. Мы можем не сознавать этого все то время, что живем как бы вдали от Бога, все то время, когда Его присутствие и Его образ остаются тусклыми в наших мыслях и в нашем восприятии; но чем больше мы приближаемся к Богу, тем остreee выступает контраст. Не постоянная мысль о своих грехах, а видение святости Божией позволяет святым познать свою греховность. Когда мы смотрим на себя без благоуханного фона Божия присутствия, грехи и добродетели кажутся чем-то мелким и, в каком-то смысле, несущественным; только на фоне Божественного присутствия они выступают со всей рельефностью и обретают всю свою глубину и трагичность.

Всякий раз, когда мы приближаемся к Богу, мы оказываемся перед лицом либо жизни, либо смерти. Эта встреча – жизнь, если мы приходим к Нему в надлежащем духе и обновляемся Им; это гибель, если мы приближаемся к Нему без благоговейного духа и сокрушенного сердца; гибель, если мыносим гордость или самонадеянность. Поэтому перед тем как отправиться в так называемое “захватывающее путешествие молитвы”, нельзя ни на минуту забывать, что не может случиться ничего более значительного, более в трепет повергающего, чем встреча с Богом, на которую мы вышли. Мы должны сознавать, что в этом процессе потеряем жизнь: ветхий Адам в нас должен умереть. Мы крепко держимся за ветхого человека, боимся за него, и так трудно не только в начале пути, но и годы спустя, почувствовать, что мы полностью на стороне Христа, против ветхого Адама!

Молитва – это путешествие, которое приносит не волнующие переживания, а новую ответственность. Пока мы пребываем в неведении, ничего не спрашивается с нас, но как только мы что-то узнали, мы отвечаем за то, как употребляем свое знание. Пусть оно дано нам в дар, но мы ответственны за каждую частицу истины, нами узнанную, и как только она становится нашей собственной, мы не можем оставлять ее бездействующей, но должны проявлять ее в своем поведении. И в этом смысле от нас требуется ответ за всякую истину, нами понятую.

Только с чувством страха, богопочтания, глубочайшего благоговения

можем мы приступать к риску молитвенного делания, и мы должны дорасти до него в своей внешней жизни как можно более полно и определенно. Недостаточно, устроясь удобно в кресле, сказать: “Вот, я приступаю к богопоклонению, перед лицом Божиим”. Мы должны понять, что если бы Христос стоял перед нами, мы держали бы себя иначе, и должны научиться держаться в присутствии невидимого Господа, как держались бы в присутствии Господа, ставшего для нас видимым.

Прежде всего это предполагает определенное состояние ума, которое отражается и на состоянии тела. Если бы Христос был здесь, перед нами, и мы стояли совершенно прозрачными, умом и телом, для Его взгляда, то мы испытывали бы благоговение, страх Божий, любовь, может быть, даже ужас, но не держали бы себя так вольно, как делаем это обычно. Современный мир в большой мере утратил молитвенный дух, и дисциплина тела стала в представлении людей чем-то второстепенным, тогда как она далеко не второстепенна. Мы забываем, что мы – не душа, обитающая в теле, а человек состоящий из тела и души, и что, по апостолу Павлу, мы призваны прославлять Бога и в тела наших и в душах наших; наши тела, как и наши души, призваны к славе Царствия Божия (1Кор. 6:20).

Слишком часто молитва не имеет для нас в жизни такого значения, чтобы все остальное отходило в сторону, уступая ей место. Молитва у нас – добавление ко множеству других вещей; мы хотим, чтобы Бог был здесь не потому, что нет жизни без Него, не потому, что Он – высшая ценность, но потому, что было бы так приятно вдобавок ко всем великим благодеяниям Божиим иметь еще и Его присутствие. Он – добавление к нашему комфорту. И когда мы ищем Еgo в такой настроенности, то не встречаем Его.

Однако, несмотря на все сказанное, молитва, как она ни опасна, все же лучший путь для того, чтобы идти вперед, к исполнению нашего призыва, и стать до конца человечными, то есть войти в полное единение с Богом и сделаться в конце концов тем, что апостол Петр называет «причастниками Божеского естества» (2Пет. 1:4).

Любовь и дружба не возрастают, если мы не готовы жертвовать ради них многим; и точно так же мы должны быть готовы отрешиться от многого для того, чтобы первое место отдать Богу. «Возлюбиши Господа Бога Твоего всем сердцем твоим, и всею душою твою, и всею крепостию твою, и всем помышлением твоим» (Лк. 10:27). Это как будто очень простая заповедь, и, однако, в этих словах содержания гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Все мы знаем, что значит любить кого-нибудь

всем сердцем. Мы знаем, как радостно не только встретиться с любимым, но даже только подумать о нем, какую это дает отраду. Именно так нам надо стараться любить Бога, и каждый раз, когда упоминается Его имя, оно должно наполнять наше сердце и душу бесконечным теплом. Бог всегда должен быть в нашем уме, тогда как на самом деле мы думаем о Нем лишь от случая к случаю.

Что же до того, чтобы любить Бога всей нашей крепостью, то это возможно нам, только если сознательным намерением мы отторгаем от себя все, что в нас не Божие; усилием воли мы должны постоянно обращать себя к Богу – и когда мы молимся (тогда это легче, потому что в молитве мы уже сосредоточены на Боге), и когда что-нибудь делаем (что требует тренировки, ибо в этом случае мы сосредоточены на каком-то материальном достижении, которое должны посвящать Богу особым усилием).

Волхвы проделали долгий путь, и никто не знает, какие трудности им пришлось преодолеть. Каждый из нас так же путешествует, как и они. Они несли дары: золото для Царя, ладан для Бога и смирну для человека, которому предстояло претерпеть смерть. Где нам взять золото, ладан и смирну, – нам, которые за все должны Богу? Мы знаем, что все, что имеем, дано нам Богом и даже не является нашим навсегда или надежно. Все может быть отнято у нас, кроме любви, и это делает любовь тем единственным, что мы можем давать. Все остальное – члены нашего тела, разум, имущество – можно отнять у нас силой; но любовь – нет средства добиться ее от нас, если только мы сами не дадим ее. В отношении нашей любви мы столь же вольны, сколь не вольны ни в одном из прочих проявлений нашей души или тела. И хотя в основе даже и любовь – дар Божий, потому что мы не можем сами вызвать ее в себе, однако, когда имеем ее, это единственное, в чем мы можем отказать или что можем дать. В “Дневнике сельского священника” Ж. Бернанос говорит, что мы можем отдать Богу и свою гордость: “Отдай свою гордость вместе со всем остальным, отдай все”. Гордость, отданная таким образом, превращается в дар любви, а всякий дар любви приятен Богу.

«Любите врагов ваших, ...благословляйте ненавидящих вас» (Мф. 5:44) – заповедь, выполнение которой может быть для нас более или менее легким; но простить людям, причиняющим страдания тому, кого мы любим, – дело совсем иное. Тут может показаться, что ты словно бы совершаешь предательство. И однако, чем больше наша любовь к тому, кто страдает, тем более мы способны разделить страдание и простить, и в этом смысле наибольшая любовь достигнута тогда, когда мы вместе с рабби

Егел Микаэлем можем сказать: “I am my beloved”, “Я и мой любимый – одно”. Пока мы говорим “я” и “он”, мы не разделяем страдания и не можем принять его. У подножия Креста Матерь Божия стояла не в слезах, как часто изображается в западной живописи; Она достигла такой полноты единения со Своим Сыном, что Ей нечemu было противиться. Она проходила через распятие вместе со Христом; Она переживала собственную смерть. Мать завершала то, что начала в день принесения Христа во храм, когда Она отдала Своего Сына. Один из всех сынов Израилевых, Он был принят как кровавая жертва. И Она, принесшая Его тогда, принимала последствия совершенного Ею обряда, ставшего действительностью. И как Он тогда был един с Ней, так теперь Она была полностью едина с Ним, и Ей нечemu было противиться.

Любовью мы становимся едины с тем, кого любим, и любовь позволяет нам разделять без остатка не только страдание, но и отношение к страданию и к тем, кто его причиняет. Невозможно представить себе Божию Матерь или ученика Иоанна протестующими против того, что было явной волей распинаемого Сына Божия. Никто не отнимает жизни Моей у Меня, но Я Сам отдаю ее (Ин. 10:18). Он умирал добровольно, по Своему согласию, за спасение мира; смерть Его была этим спасением, и поэтому те, кто верил в Него и хотел быть единым с Ним, могли разделять страдание Его смерти, могли проходить через страсти вместе с Ним, но не могли их отвергнуть, не могли обратиться против толпы, распявшей Христа, потому что это распятие было волей Самого Христа.

Мы можем противиться чьему-то страданию, можем восставать против чьей-нибудь смерти или тогда, когда человек сам, будь это правильно или нет, противится им, или же когда мы не разделяем его намерений и его отношения к страданию; но в таком случае любовь наша к этому человеку – любовь недостаточная и создает разделение. Это такая любовь, какую проявил Петр, когда Христос по дороге в Иерусалим сказал Своим ученикам, что идет на смерть. «Петр, отзовав Его, начал прекословить Ему», но Христос ответил: «отойди от Меня, сатана, потому что ты думаешь не о том, что Божие, но что человеческое» (Мк.8:32–33). Мы можем представить себе, что жена разбойника, распятого слева от Христа, была полна того же протesta против смерти своего мужа, как и он сам; в этом смысле они были вполне едины, но и оба не правы.

Разделять же со Христом Его страдание, распятие, смерть – значит принять безоговорочно все эти события в той же настроенности, как и Он, то есть принять их добровольно, страдать вместе с Мужем скорбей, пребывать здесь в безмолвии, – безмолвии Самого Христа, нарушенном

лишь немногими решающими словами, в безмолвии истинного общения; не в жалостливом молчании, но в безмолвии сострадания, которое делает нас способными вырасти в полное единство с другим так, что уже нет одного и другого, но одна жизнь и одна смерть.

На протяжении истории люди неоднократно были свидетелями преследований и не боялись, но разделяли страдания, не протестуя: например, София – мать, стоявшая рядом с каждой из своих дочерей, Верой, Надеждой и Любовью, вдохновляя их на смерть, или многие другие мученики, которые помогали друг другу, но никогда не обращались против мучителей. Дух мученичества можно показать на целом ряде примеров. В первом примере выражен самый дух мученичества, его установка: дух любви, которой не может сломить страдание или несправедливость. Священника, попавшего в заключение совсем молодым и вышедшего на свободу разбитым человеком, спросили, что осталось от него, и он ответил: “Ничего не осталось от меня, они вытравили буквально все, осталась только любовь”. Такие слова свидетельствуют о правильной установке говорящего, и всякий, кто разделяет с ним его трагедию, должен разделить и его непоколебимую любовь.

А вот пример человека, который вернулся из Бухенвальда, и когда его спросили о нем самом, сказал, что его страдания ничто по сравнению с сокрушением о несчастных немецких юношах, которые могли быть так жестоки, и что он не находит покоя, думая о состоянии их душ. Его забота была не о себе (а он провел там четыре года) и не о бесчисленных людях, страдавших и умиравших вокруг, а о мучителях. Те, кто страдал, были со Христом; те, кто проявлял жестокость – нет.

Третий пример – молитва, написанная в концентрационном лагере заключенным-евреем:

Мир всем людям злой воли! Да престанет всякая месть, всякий призыв к наказанию и возмездию... Преступления переполнили чашу, человеческий разум не в силах больше вместить их. Неисчислимы сонмы мучеников...

Поэтому не возлагай их страдания на весы Твоей справедливости. Господи, не обращай их против мучителей грозным обвинением, чтобы взыскать с них страшную расплату. Воздай им иначе! Положи на весы, в защиту палачей, доносчиков, предателей и всех людей злой воли – мужество, духовную силу мучимых, их смирение, их высокое благородство, их постоянную внутреннюю борьбу и непобедимую надежду, осушавшую слезы, их любовь, их истерзанные, разбитые сердца, оставшиеся непреклонными и верными перед лицом самой смерти, даже в

моменты предельной слабости... Положи все это, Господи, перед Твоими очами в прощение грехов, как выкуп, ради торжества праведности, прими во внимание добро, а не зло!

И пусть мы останемся в памяти наших врагов не как их жертвы, не как жуткий кошмар, не как неотступно преследующие их призраки, но как помощники в их борьбе за искоренение разгула их преступных страстей. Ничего большего мы не хотим от них. А когда все это кончится, даруй нам жить как людям среди людей, и да возвратится на нашу исстрадавшуюся землю мир – мир людям доброй воли и всем остальным...

Один русский епископ говорил, что для христианина умереть мучеником – это особое преимущество, потому что никто, кроме мученика, не сможет на Страшном суде стать перед лицом Божиего Престола судного и сказать: “По слову Твоему и примеру я простил; Тебе нечего больше взыскать с них”. Это означает, что тот, кто претерпел мученичество во Христе, чья любовь не поколебалась в страдании, тот обретает безусловную власть прощения над теми, кто причинял страдания. Это применимо и на гораздо более обыденном уровне, на уровне повседневной жизни; всякий, кто терпит малейшую несправедливость со стороны другого, может простить или отказать в прощении. Но это обюдоострый меч; если мы не прощаем, то и сами не получим прощения.

Французские римокатолики, с их острым чувством справедливости и славы Божией, ясно сознают, какую победу может одержать Христос через страдания людей: с 1797 года существует Орден Искупления, который в непрестанном поклонении Святым Дарам молит о прощении преступлений всей земли и прощении отдельных грешников по молитвам их жертв. Орден ставит перед собой также цель воспитывать в детях и взрослых дух любви.

Характерен также рассказ о французском генерале Морисе д’Эльбе периода революционных войн. Его солдаты схватили несколько “синих” и собирались расстрелять; генерал вынужден был уступить, но настоял, чтобы солдаты сначала прочитали вслух Молитву Господню, что они и сделали; и когда дошло до слов «И остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должником нашим» (Мф.6:12), то поняли, заплакали и отпустили пленников. Позднее, в 1794 году, генерал д’Эльбе сам был расстрелян “синими”.

Французский иезуит Жан Даниелу в своей книге “Святые язычники” пишет, что страдание – связующее звено между праведниками и грешниками: праведниками, терпящими страдания, и грешниками, причиняющими их. Не будь этого звена, они были бы совершенно

разобщены; праведники и грешники оставались бы на параллельных линиях, которые никогда не пересекаются, и не могли бы встретиться. В таком случае праведники не имели бы власти над грешниками, потому что невозможно иметь отношения с тем, кого не встречаешь.

Молитва Господня

Молитва Господня, хотя она так проста и употребляется так часто, – большая проблема и трудная молитва. Это единственная молитва, которую дал Господь. В каком-то смысле это не только молитва, но и путь жизни, изложенный в форме молитвы: это образ постепенного восхождения души от рабства к свободе. Молитва построена с поражающей точностью. Подобно тому, как круги, расходящиеся от падения камешка на поверхности пруда, можно наблюдать все дальше и дальше до берегов, или в обратном направлении – от берегов к источнику движения, так же и Молитве Господню можно разбирать, начиная либо с первых слов, либо с последних. Несравненно легче начинать, идя снаружи к центру, хотя для Христа и Церкви правилен другой путь.

Это молитва сыновства – "Отче наш". И хотя в известном смысле ее может произносить всякий, кто приближается к Господу, вполне точно она выражает отношение только тех, кто находится в Церкви Божией, кто во Христе нашел путь к своему Отцу, потому что только через Христа и в Нем мы становимся сынами Божиими.

Это научение духовной жизни можно лучше понять, если рассматривать его параллельно с рассказом об Исходе и в контексте Заповедей блаженства. Когда мы начинаем с последних слов молитвы и идем к первым, то видим, что это путь восхождения: наша исходная точка – в конце молитвы – определяет состояние пленения; вершина восхождения – первые слова молитвы – определяет наше состояние сыновства.

Народ Божий, пришедший в землю Египетскую свободным, постепенно впал в состояние рабства. Условия его жизни непрестанно напоминали ему о его порабощении: работа становилась все тяжелее и тяжелее, положение – все более нищенским; но этого было недостаточно, чтобы заставить евреев устремиться к подлинной свободе. Если бедственное состояние переходит какие-то пределы, оно может повести к бунту, к насилию, к попытке избавиться от тяжкого, невыносимого положения; но, по существу, ни восстание, ни бегство не делают нас свободными, потому что свобода есть прежде всего состояние внутреннее по отношению к Богу, к самому себе и к окружающему миру.

Каждый раз, когда евреи пытались покинуть страну, на них налагали новые и все более тяжкие работы. Когда надо было делать кирпичи, им отказывали в необходимой для этого соломе, и фараон говорил: "Пусть

они сами ходят и собирают себе солому” (Исх. 5:7). Он хотел, чтобы они дошли до такого истощения, так были задавлены своим тяжким трудом, что мысль о бунте или избавлении не приходила бы им больше в голову. Точно так же и для нас нет надежды, пока мы порабощены князем мира сего, диаволом, со всеми силами, которыми он располагает для пленения человеческих душ и тел, чтобы удерживать их вдали от Живого Бога. Если только Бог Сам не придет освободить нас, освобождения не будет, но будет вечное рабство; и первые слова, которые мы находим в Молитве Господней, как раз об этом: «Избавь нас от лукавого» (Мф.6:13). Избавление от лукавого – это именно то, что было сделано в земле Египетской чрез Моисея и что совершается в крещении силой Божией, данной Его Церкви. Слово Божие звучит в этом мире, призывая всех к свободе, подавая надежду, сходящую с небес, тем, кто потерял надежду на земле. Это слово Божие проповедуется и встречает отклик в человеческой душе, делая человека учеником Церкви: он стоит у входных дверей, словно тот, кто услышал зов и подошел послушать (Рим. 10:17).

Когда ученик решается стать свободным человеком в Царствии Господнем, Церковь совершает определенные действия. Что пользы спрашивать у раба, все еще остающегося во власти своего господина, хочет ли он стать свободным? Он знает, что если осмелится просить о предлагаемой свободе, то будет жестоко наказан, как только останется снова наедине со своим господином. От страха и привычки к рабству человек не может просить о свободе, пока не будет освобожден от власти диавола. Поэтому прежде чем спрашивать что-либо у того, кто стоит здесь с новой надеждой на божественное спасение, его освобождают от власти сатаны. В этом смысле заклинательных молитв, которые читаются в начале чина крещения как в Православной, так и в Римско-католической Церквях. Только когда человек стал свободным от уз рабства, его спрашивают, отрекается ли он от диавола и хочет ли соединиться со Христом. И лишь после свободного ответа Церковь принимает его, делает членом Тела Христова. Диавол хочет рабов, а Бог хочет свободных людей, воля которых была бы согласна с Его волей. В терминологии Исхода “лукавым” был Египет, фараон и все, связанное с ними, а именно – пропитание и сохранение жизни при условии рабской покорности. И для нас акт молитвы, являющийся более существенным, более окончательным актом восстания против рабства, чем вооруженный бунт, есть в то же время как бы восстановление чувства ответственности перед Богом и родства с Ним.

Итак, первое положение, с которого начинается Исход – и начинаем мы, – это осознание своего рабства и того, что невозможно покончить с

ним путем бунта или бегства, ибо бежим мы или восстаем, мы продолжаем оставаться рабами, если только не изменим всего своего отношения к Богу и ко всем обстоятельствам жизни, так, как нас тому учит первая заповедь блаженства: «Блаженни нищие духом, яко тех есть Царство Небесное» (Мф.5:3). Само по себе нищенство, состояние рабства не есть пропуск в Царство Небесное; раба можно лишить не только земных благ, но и благ небесных; такое нищенство может быть более удручающим, чем простое лишение того, в чем мы нуждаемся для земной жизни. Святой Иоанн Златоустый говорит, что беден не так тот, у кого ничего нет, как тот, кто хочет того, чего не имеет.

Бедность коренится не в том, насколько мы жаждем иметь то, чего получить не можем. Думая о нашем человеческом существовании, мы легко можем убедиться, что мы крайне бедны и обездолены, ибо что бы мы ни имели – это никогда не наше, как бы богаты мы ни казались. Когда мы стараемся ухватиться за что-либо, то очень скоро убеждаемся, что не можем этого удержать. Наша жизнь не коренится ни в чем, кроме державного творческого слова Божия, вызвавшего нас из полного, радикального отсутствия в Его присутствие. Не в нашей власти удержать нашу жизнь и здоровье или хотя бы психосоматические свойства: достаточно разорваться в голове мельчайшему сосуду, чтобы человек великого ума превратился в слабоумного старика. В области наших чувств, по разным причинам, которые мы в состоянии или не в состоянии объяснить, например, от гриппа или усталости, мы не можем в нужную минуту испытать к другому человеку то сочувствие, которое так хотели бы найти в себе; или же мы идем в церковь – и чувствуем себя каменными. Это нищета в чистом виде, но делает ли она нас детьми Царствия? Нет, потому что с горечью видя в каждое мгновение жизни, что все ускользает от нас, замечая только, что ничем не обладаем, мы от того не делаемся радостными детьми Царствия Божией любви, но остаемся жалкими жертвами обстоятельств, над которыми мы не властны и которые ненавидим.

Это возвращает нас к словам «нищие духом» (Мф.5:3). Нищета, открывающая Царство Небесное, заключается в знании, что если ничто из моего по-настоящему мне не принадлежит, значит все, что у меня есть – это дар любви, Божией или человеческой любви, и тогда все совершенно меняется. Если мы сознаем, что мы не самобытны и все же существуем, то можем сказать, что здесь проявляется непрестающее действие Божией любви. Если мы видим, что никакими усилиями не можем сделать своей собственностью то, чем мы только обладаем, значит все – Божия любовь,

конкретно являемая в каждом мгновении; и тогда бедность становится источником совершенной радости, потому что все, что мы имеем, есть доказательство любви. Мы никогда не должны стремиться к присваиванию, потому что называть что-либо “своим”, а не неизменным даром Божиим, будет лишением, а не приобретением. Если это мое, оно чуждо отношениям взаимной любви; если это – Божие, и я обладаю этим изо дня в день, из мгновения к мгновению, это непрестанно обновляющийся акт Божественной любви. И тогда мы приходим к радостной мысли: “Благодарение Богу, это не мое; будь оно моим, это было бы обладанием, но, увы, без любви”. Стой отношений, к которому эта мысль приводит нас, и есть то, что Евангелие называет Царствием Божиим. Лишь те принадлежат к Царству, кто имеет все от Царя во взаимоотношениях любви и кто не стремится быть богатым, потому что быть богатым значит быть лишенным любви и находиться во власти вещей. Как только мы открываем Бога в этой перспективе, обнаруживаем, что все Божие и все от Бога, мы начинаем входить в Божественное Царство и обретать свободу.

Лишь когда евреи, под руководством Моисея и просвещаемые им, осознали, что их состояние рабства имеет какое-то отношение к Богу, а не является просто человеческим делом, когда они обратились к Богу, когда они возвратились к отношениям Царства, что-то смогло измениться; и это верно в отношении всех нас, так как только когда мы осознаем, что мы – рабы обездоленные, но осознаем также, что это происходит по Божественной премудрости и что все во власти Божией, мы можем повернуться к Богу и сказать: «Избавь нас от лукавого» (Мф.6:13).

Как Моисей призвал евреев покинуть Египет, последовать за ним в темноте ночи, перейти Красное море, так и каждый отдельный человек попадает в пустыню, где начинается новый этап. Он свободен, но еще не вошел в славу Земли обетованной, потому что из Египта он вынес с собой душу раба, привычки раба, искушения раба. А для воспитания свободного человека требуется несравненно больше времени, чем для осознания своего рабского положения. Дух рабский еще так привычен, его нормы продолжают существовать и сохраняют свою огромную власть: рабу есть где преклонить главу, раб обеспечен пищей, у раба есть общественное – хотя и низкое – положение, он под защитой, потому что за его существование отвечает хозяин. Быть рабом, как это ни тяжко, унизительно и горестно, – все же какая-то форма защищенности, тогда как состояние свободного человека – состояние предельной незащищенности; мы берем свою судьбу в свои собственные руки, и только когда наша

свобода коренится в Боге, мы обретаем иную защищенность, уверенность совершенно иного порядка.

Это чувство незащищенности, неуверенности показано в Книге Царств, в рассказе о том, как евреи просили Самуила дать им царя. На протяжении веков их вел Бог, то есть люди, которые в своей святости знали пути Божии; как говорит Амос (Ам.3:7), пророк – это тот, с кем Бог делится Своими помыслами. И вот, во времена Самуила евреи увидели, что быть лишь под Божиим водительством означает в земном смысле полную ненадежность, потому что тогда все зависит от святости, от самоотречения, от нравственных свойств, которые трудно приобрести; и они обратились к Самуилу с просьбой дать им царя, потому что “мы хотим быть, как прочие народы”, хотим той же надежности, какая есть у прочих народов.

Самуил не хочет соглашаться, он видит, что это отступничество, но Бог говорит ему: «Послушай голоса народа... ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтобы Я не царствовал над ними» (1Цар.8:7). Затем следует целая картина того, чем будет их жизнь: «Вот какие будут права у царя, который будет царствовать над вами: сыновей ваших он возьмет, и приставит к колесницам своим, и сделает всадниками своими, и будут они бегать перед колесницами его... И дочерей ваших он возьмет, чтобы они составляли масти, варили кушанье и пекли хлебы... Но народ не согласился послушать голоса Самуила и сказал: нет, пусть царь будет над нами» (1Цар.8:11–19). Они хотят купить внешнее благополучие ценой свободы. Но не этого хочет для нас Бог. Здесь происходит как раз обратное событиям Исхода: Божия воля в том, чтобы защищенность рабов была оставлена и заменена незащищенностью свободных людей в становлении. Это трудно, потому что пока мы в становлении, мы еще не умеем быть свободными и не хотим больше быть рабами. Вспомните, что происходило с евреями в пустыне, как часто они жалели о времени, когда были в Египте – рабами, но накормленными. Как часто они плакались, что теперь у них нет крова, нет пищи, что зависят они только от Божией воли, на которую они еще не научились полагаться полностью: потому что Бог подает нам благодать, но становиться новой тварью предоставляет нам самим.

Как и евреи в Египте, мы прожили всю свою жизнь рабами; своей душой, своей волей, всем существом своим мы еще не стали подлинно свободными людьми: предоставленные собственным силам, мы можем впасть в искушение. И эти слова – «Не введи нас во искушение» (Мф.6:13), не подвергай нас суровому испытанию – должны напоминать нам о сорока годах, которые понадобились евреям на то, чтобы пересечь небольшое

пространство, лежащее между землей Египетской и Землей обетованной. Они шли так долго потому, что каждый раз, как они отворачивались от Бога, путь их поворачивал вспять от Земли обетованной. Единственный путь, которым мы можем достичь Земли обетованной, это идти по следам Господа. Как только наше сердце обращается назад, к земле Египетской, мы возвращаемся по своим следам, сбиваемся с пути. Мы все были освобождены милостью Божией, все мы стоим на должном пути, но кто скажет, что он не возвращается беспрестанно по своим следам или не сворачивает с правильного пути? «Не введи нас во искушение» (Мф.6:13) не дай нам снова впасть в состояние рабства.

Как только мы осознали свое порабощение и от простых сетований, чувства бедственности пришли к чувству сокрушения сердечного и нищеты духа, наше пленение в земле Египетской получает ответ в словах следующих Заповедей блаженства: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (Мф.5:4–5). Этот плач, порожденный тем, что мы открыли Царствие, открыли свою ответственность, трагедию своего рабского состояния, – плач более горький, чем тот, какой является уделом простого раба. Раб плачет о внешних обстоятельствах; тот же плачущий, которого Бог называет блаженным, не жалуется, – он сокрушается сердцем и сознает, что его внешнее рабство есть выражение чего-то гораздо более трагического: его внутреннего порабощения, его отлучения от близости Божией. И избавиться от этого положения нет никакой возможности, пока не достигнута кротость.

“Кротость” – трудное слово, приобретшее целый ряд оттенков. Поскольку она крайне редко встречается в жизни, мы не можем обратиться к собственному опыту и, вспомнив известных нам кротких людей, найти ключ к пониманию этого слова. В английском переводе Дж. Б. Филлипса мы находим: “Блаженны те, кто не стремится обладать”. С момента, как мы перестали стремиться к обладанию, мы становимся свободными, потому что, чем бы мы ни обладали, мы находимся во власти этого. Другое толкование находим в переводе греческого слова славянским, означающим “укрошенный”, “прирученный”. Укрошенный, прирученный человек или животное не просто боится наказания и покоряется власти своего хозяина; процесс этот пошел в нем дальше, он приобрел новое свойство, и эта прирученность избавляет его от насилия и принуждения.

На пороге нашего спасения от египетского рабства стоит условие, чтобы мы сделались “прирученными”, иными словами, чтобы в том

положении, в котором мы находимся, мы признали глубину, значительность, присутствие в нем Божественной воли. И наше избавление должно быть не бегством или бунтом, но движением, которым руководит Бог, которое начинается с Царствия Небесного внутри нас и развивается в Царствие на земле. Это период колебаний и внутренней борьбы: “Не введи нас во искушение, Господи, защити нас в испытании, помоги нам в начавшейся для нас борьбе”. И вот тут мы достигли той точки, когда становится возможным сдвиг. Вернемся к Исходу: евреи осознали, что они не только рабы, но и народ Божий, попавший в порабощение из-за своей нравственной слабости. Они должны были пойти на риск, потому что никто никогда не получает свободы от рабовладельца, и им надо было перейти Красное море; но и за Красным морем лежала еще не Земля обетованная, а палящая пустыня, и они сознавали это и знали, что им придется переходить ее, борясь с огромными трудностями. В таком же положении оказываемся и мы, когда решаемся начать движение, которое освободит нас от рабства: мы должны сознавать, что окажемся под натиском насилия, обольщения, внутренних врагов – наших старых привычек и прежней жажды благополучия, и что ничего нам не предложено, кроме пустыни. Впереди – Земля обетованная, но далеко впереди, и мы должны принять риск путешествия.

Между Египтом и пустыней, между рабством и свободой лежит разграничительная черта: это момент, когда мы действуем решительно и становимся новыми людьми, поставляя себя в совершенно новые нравственные отношения. В географической терминологии это Красное море, в словах Молитвы Господней это «Прости нам долги наши, как и мы прощаем» (Мф.6:12). “Как и мы прощаем” – это тот момент, когда мы берем наше спасение в свои руки, ибо что бы ни делал Бог, все зависит от того, что делаем мы; и это имеет огромное значение в плане нашей повседневной жизни. Если люди, выходящие из Египта в Землю обетованную, возьмут с собой из земли Египетской свои страхи, свои обиды, свою ненависть, свои жалобы, они и в Земле обетованной будут рабами. Они даже не начнут становиться свободными. И вот почему на разграничительной линии между огненным испытанием и соблазном старых привычек стоит это непреложное условие, которого Бог никогда не ослабляет: **как вы прощаете**. Мерой, которой вы мерите, отмерится и вам (Лк.6:38); и как вы прощаете, простят и вас; все, чего вы не простите, будетдержано против вас. Это не значит, что Бог не хочет простить; но если мы приходим, не прощая, мы сводим на нет тайну любви, мы отвергаем ее, и нам нет места в Царствии. Мы не можем идти дальше, если

мы не прощены, и мы не можем быть прощены, пока сами не простили каждого, кто погрешил против нас. Это совершенно категорично и реально и определенно, и никто не имеет права думать, что он в Царствии Божиим, что он принадлежит к Царству, если в сердце его продолжает жить непрощение. Прощение врагов – первая, самая элементарная отличительная черта христианина; без этого мы еще вовсе не христиане, но все еще блуждаем в палящей пустыне Синайской.

Но прощение – нечто очень для нас трудное. Простить в момент сердечного смягчения, в эмоциональном порыве, сравнительно легко; не взять прощение назад мало кто умеет. То, что мы называем прощением, это часто просто испытание прощенного, и счастье его, если это только испытание, а не отвержение. Мы нетерпеливо ждем признаков раскаяния, мы хотим быть уверенными, что кающийся уже больше не тот, каким был. Но такое положение может длиться всю жизнь, и наше поведение как раз обратно всему, чему учит Евангелие и как оно велит поступать. Итак, закон прощения – не маленький ручей на границе между рабством и свободой: он имеет ширину и глубину, это Красное море. Евреи преодолели его не своими силами, не в обычных, человеческими руками построенных лодках, – Красное море расступилось силой Божией; Бог провел их через море. Но для того, чтобы быть водимыми Богом, надо приобщиться Божиему свойству – Его умению прощать. Бог “не забывает” в том смысле, что если мы когда-то поступили неправильно, Он всегда, пока мы не изменимся, будет помнить, что мы слабы и хрупки; но Он никогда не будет помнить в категориях обвинения или осуждения; это никогда не будет возведено против нас. Господь Сам понесет наше иго вместе с нами, войдет в нашу жизнь; и Ему придется нести больше, крест Его будет тяжелее, Он снова пойдет на Голгофу, если мы не хотим или не способны это сделать.

Для того, чтобы быть в состоянии произнести первую фразу, которую мы рассмотрели, «Избавь нас от лукавого» (Мф.6:13), требуется такая переоценка ценностей и настолько новое ко всему отношение, что вначале мы едва ли можем произносить ее иначе, чем в крике, которому еще не соответствует внутреннее изменение нашего существа. Мы жаждем, но жажда эта еще не может быть утолена; просить Бога защитить нас в испытании – значит просить о коренной перемене нашего положения. Но быть способным сказать: «Прости, как я прощаю» (Мф.6:12) – еще труднее; это одна из величайших проблем жизни. Так, если вы не готовы оставить всякое чувство обиды против тех, кто был вашим господином или рабовладельцем, вы не можете идти на другую сторону. Если вы способны

простить, то есть оставить в земле порабощения всю свою рабскую психологию, всю свою жадность, стяжательность и горечь, вы способны перейти на другой берег. После этого вы окажетесь в палящей пустыне, потому что превращение раба в свободного человека требует времени.

Мы лишены всего, чем обладали, когда были рабами в земле Египетской: крова, приюта, пищи; у нас ничего, кроме пустыни и Бога. Земля не способна более питать нас; мы не можем более рассчитывать на естественную пищу, поэтому мы молимся: «Хлеб наш насущный дай нам на сей день» (Мф.6:11). Бог дает его, даже когда мы сбиваемся с пути, потому что если бы Он не давал, мы умерли бы, не достигнув границ Земли обетованной. Сохрани нам жизнь, Боже, дай нам время, потерпи, пока мы заблуждаемся, пока найдем правильный путь.

“Хлеб насущный” – один из возможных переводов греческого текста. Этот хлеб, может быть насущным, но может быть также хлебом сверхприродным. Отцы и учителя Церкви, начиная с Оригена и Тертуллиана, всегда относили эти слова не только к нашим земным нуждам, но и к таинственному евхаристическому хлебу. И если мы не питаемся новым образом, таинственно этим Хлебом Божественным (ибо теперь наше существование зависит только от Бога), мы не выживем (Ин.6:53). Бог посыпал Своему народу манну (Исх.16:35) и давал ему воду из скалы, по которой ударял жезл Моисеев (Чис.20:11). Оба дара – образ Христа: «Не хлебом единым будет жив человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих». Это изречение из Ветхого Завета (Втор.8:3), которое Христос привел, чтобы посрамить диавола. Это “слово” – не просто слово, но прежде всего Слово, звучащее вечно, всегда, Слово, которым держится всякая тварь, а затем также Слово воплощенное, Иисус из Назарета; далее, это хлеб, прообразом которого была манна, хлеб, получаемый нами в причащении. Вода, потекшая и наполнившая ручьи и реки по слову Моисея – прообраз той воды, что была обещана самарянке, и Крови Христовой, которая есть жизнь наша.

Исход, если его рассматривать в словах Молитвы Господней, сложная картина; в Заповедях блаженства мы находим то же постепенное продвижение вперед: «Блаженны алчущие и жаждущие правды (Мф.5:6), потому что они насытятся; Блаженны милостивые (Мф.5:7), потому что они будут помилованы». Сначала просто телесные голод и жажда, лишение всего, чем мы обладали и что было даром неправды, даром земным, от господина, печатью рабства, а затем, точно так же, как плач второй заповеди блаженства возрастает в момент, когда мы обращаемся к Богу, эти жажда и голод становятся жаждой праведности. Перед людьми

раскрывается новое измерение, измерение жажды, неодолимого стремления к тому, что в одной из тайных молитв Литургии определяется как “грядущее Царство” – когда мы благодарим Бога за то, что Он даровал нам Свое Царство, по которому мы тоскуем. В Литургии Царство уже здесь, но в путешествии через пустыню оно впереди, все еще вне пределов досягаемости, это еще только затаенное. Оно внутри нас как некая установка, отношение, но безусловно не как что-то, что уже является жизнью, которой мы можем питаться и которая может сохранить нас в живых. Есть телесный голод, возникший из нашего прошлого и нашего настоящего, и есть голод духовный, рожденный нашим будущим и нашим призванием.

«Блаженны милостивые...» (Мф.5:7). Это путешествие совершается не в одиночестве. В рассказе об Исходе весь народ Божий вместе, как одно целое, отправился в путь; в плане Молитвы Господней и нашего призыва – это Церковь, это человечество, это каждый, кто участвует в путешествии; и здесь бесконечно важно научиться одному, а именно – милосердию к братьям, путешествующим вместе с нами. Если мы не готовы нести бремя друг друга, выносить всю тяжесть друг друга, принимать друг друга, как Христос принимает нас, в милосердии – нам нет пути через пустыню. Это путешествие по палящему зною, в жажде и голоде, в напряженном усилии стать новым человеком есть время милосердия, взаимной милосердной любви; иначе никто не придет к месту, где провозглашается закон Божий, где преподаются скрижали закона.

Жажда праведности и свершения неотделимы от милосердия к спутникам, которые странствуют бок о бок через зной и страдания; и эти жажда и голод получают теперь более глубокий смысл, чем простое отсутствие пищи. Когда евреи подходят к подножию Синай, они уже в какой-то мере обладают способностью понимать и быть самими собой; они уже “приручены” и стали единым народом, с единым сознанием, единой устремленностью, единым намерением. Они – народ Божий, направляющийся в Землю обетованную. Сердца их, бывшие потемневшими, стали прозрачнее, чище. У подножия горы им будет дано, каждому соответственно его силам и способностям, как-то увидеть Бога (ибо «блаженны чистые сердцем» (Мф.5:8), потому что они увидят Бога), каждый по-своему, точно так же, как ученики увидели преобразившегося Христа на горе Фаворской соответственно тому, что они могли вместить.

Здесь происходит новая трагедия: Моисей обнаруживает, что евреи изменили своему призванию, и разбивает скрижали Закона; те, которые даны ему впоследствии, такие же, но не те самые; разница, может быть,

указана в том, что когда Моисей принес заповеди во второй раз, лицо его сияло так, что никто не мог вынести этого сияния (Исх.34:30); они не могли вынести так же и Господа, открывшегося во всей Своей славе и сиянии. Им дается то, что они могут вынести: это закон, написанный Моисеем (Исх.34:27), а не божественное откровение любви, «начертанное перстом Божиим» (Исх.31:18). Закон стоит на полпути между беззаконием и благодатью; здесь можно четко выявить три восходящие ступени. В Бытии мы видим неистового Ламеха, который говорит, что если будет оскорблен, то отомстит за себя в семьдесят раз всемеро (Быт.4:24); когда мы приходим к Синаю, нам говорится: «око за око и зуб за зуб» (Мф.5:38); а Христос говорит: «до семижды семьдесят раз прощай брату своему» (Мф.18:22). Это три ступени человеческого восхождения от закона к благодати.

Русский богослов девятнадцатого столетия А. С. Хомяков говорит, что воля Божия – гибель для демонов, закон для рабов Божиих и свобода для сынов Божиих. Мы видим, насколько это верно, когда рассматриваем постепенное продвижение евреев из Египта в Землю обетованную. Они вышли рабами, только что осознавшими, что могут стать детьми Божиими; им надо было перерости психологию рабов и обрести дух и меру возраста сынов; это происходило постепенно, в длительном и крайне мучительном процессе. Мы видим, как они медленно созидаются в общину рабов Божиих, народа, признавшего, что господин его более не фараон, а Господь духов, и что они должны оказывать Ему верность и безусловное послушание; они могли ожидать от Него и наказания и награды, зная, что Он ведет их за пределы того, что им известно, к чему-то, что является их конечным призванием.

В творениях ранних христианских подвижников часто повторяется мысль, что человек должен пройти эти три стадии – раба, наемника и сына. Раб – это тот, кто повинуется из страха, наемник – тот, кто оказывает послушание за плату, а сын – тот, кто действует по любви. Мы можем видеть в Исходе, как постепенно народ Божий стал более, чем рабом и наемником, и, выражаясь географически, закон стоит на пороге Земли обетованной.

На этом пороге люди обнаруживают, каждый в меру своей способности и глубины духа, Божью волю и Божий Промысел, потому что закон можно рассматривать по-разному: если подойти к нему формально, фраза за фразой, это ряд приказаний: “Поступай так, не делай этого”; это закон в мышлении Ветхого Завета. Но, с другой стороны, если посмотреть на него глазами Нового Завета, глазами нашего человеческого призыва,

так, как все большее число людей умело смотреть на него во времена, последовавшие за Исходом, мы видим, что эти различные заповеди, эти приказания сливаются в две заповеди: любви к Богу и любви к человеку. Первые четыре из десяти – любовь к Богу, выраженная конкретно; в шести остальных – любовь к человеку, также ставшая конкретной, осязаемой, выполнимой. Закон – это дисциплина и правило для того, кто все еще в становлении, кто все еще находится в процессе обращения в сына, но это уже и закон Нового Завета. Проблема отношений между человеком и человеком и между человеком и Богом – это проблема утверждения божественного мира, мира во имя Бога, мира, основанного не на взаимной привязанности или симпатии, а на более существенной основе: нашем общем Господе, нашей человеческой солидарности и нашей более тесной церковной солидарности. Любовь к Богу и к людям должна прежде всего сводиться к установлению правильных взаимоотношений, – правильных взаимоотношений с Богом, с людьми, а также и с самим собой.

Мы видели, что категорическим предварительным условием для существования в пустыне является взаимное прощение; затем надо сделать следующий шаг, и вот в Исходе мы видим непреложный закон, выражающий разум и волю Божию, а в Молитве Господней – слова «Да будет воля Твоя» (Мф.6:10; Лк.11:2). «Да будет воля Твоя» – это не покорная готовность терпеть Божию волю, как мы часто воспринимаем. Это положительная настроенность тех, кто прошел через пустыню, вступил в Землю обетованную, кто готов трудиться для того, чтобы воля Божия была реальной и присутствующей на земле, как и на небе. Апостол Павел говорит, что мы “небесная колония” (Флп. 3:20, в английском переводе Моффата)^{3..} Он имеет в виду группу людей, чья родина на небе и кто находится на земле для того, чтобы завоевать ее для Бога и принести Царствие Божие хотя бы на малую часть земли. Это особое завоевание, состоящее в том, чтобы склонить людей принять царство мира, сделаться подданными Начальника мира и войти в гармонию, которую мы называем Царством Божиим. И это завоевание, это миротворчество делает нас овцами посреди волков, семенем, которое разбросал сеятель и которое должно умереть для того, чтобы принести плод и напитать других.

Слова «Да будет воля Твоя» (Мф.6:10; Лк.11:2), рассмотренные таким образом, изнутри нашего сыновства, нечто совершенно отличное от того послушания – в покорности или в сопротивлении – которое мы видели в начале Исхода, когда Моисей старался подвигнуть своих соплеменников на поход к свободе. Теперь у них, у нас – разум Христов, теперь мы знаем волю Божию, мы более не рабы, а друзья (Ин.15:15). Это не

взаимоотношения неопределенного благожелательства, а нечто чрезвычайно глубокое, связывающее нас вместе. Это и есть то состояние, в котором мы идем в Землю обетованную, когда так, по-новому говорим «Да будет воля Твоя, -» не как чуждая воля, не как воля крепкая и нас сломить способная, но как воля, с которой мы стали полностью согласными. И мы должны, произнося эти слова, принять все, что связано с состоянием богосыновства, с состоянием членов единого тела. Как Сын Божий пришел в мир, чтобы умереть за спасение мира, так и мы избраны для того же; и ценой, может быть, собственной жизни мы должны приносить мир вокруг себя и насаждать Царствие.

Есть разница между тем, как мы видим Бога-Царя в земле Египетской, в палиющей пустыне или в новых условиях Земли обетованной. Вначале воля Его восторжествует так или иначе, всякое сопротивление, оказываемое ей, будет сломлено: послушание означает подчинение. Затем, в постепенном обучении нам открывается, что этот Царь – не повелитель, не надсмотрщик над рабами, но Царь благоволения и что послушание Ему преображает все; что мы можем быть не просто подданными, а Его народом, Его действующим воинством. Наконец, мы открываем Царя во всем значении этого слова, как сказано у Василия Великого: “Каждый правитель может править, но только царь может умереть за своих подданных”. Здесь происходит такое отождествление Царя с его подданными, то есть с его Царством, что все, что бы ни случилось с Царством, происходит и с Царем; и это не только отождествление, но и акт любви, принимающий удар на себя, когда Царь становится на место Своих подданных. Царь становится человеком, Бог воплощается. Он входит в историческую судьбу человечества. Он принимает на Себя плоть, которая делает Его частью, частицей всего космоса, с его трагедией, вызванной человеческим падением. Он входит в человеческую судьбу, до самых ее глубин, вплоть до суда, неправедного осуждения и смерти; Он опытно познает утрату Бога и потому становится способным умереть. Царство, о котором мы говорим в этом прошении, и есть Царство этого Царя. Если мы не с Ним и со всем духом Его Царства, понимаемого теперь по-новому, мы не способны ни называться детьми Божиими, ни говорить «Да прийдет Царствие Твое» (Мф.6:10; Лк.11:2). Но мы должны ясно осознать, что Царство, о котором мы просим, это Царство последних заповедей блаженства: “Блаженны гонимые...” «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня» (Мф.5:11). Для того, чтобы пришло Царство, мы должны заплатить цену, определенную этими заповедями. Царство, о котором мы говорим, это

Царство любви, и, при поверхностном взгляде, кажется таким удовольствием попасть в него. Но это совсем не “удовольствие”, потому что любовь обрела трагический аспект; она означает смерть для каждого из нас, полное вымиранье нашего самолюбивого, эгоцентрического ”я”, и умирание не такое, как цветы увядают: это умирание жестокой смертью, смертью крестной.

Только в Царствии имя Божие может святиться и прославляться нами; потому что не словами нашими или жестами, даже и литургическими, воздается слава имени Божию, а тем, что мы стали Царством, которое есть сияние и слава нашего Творца и Спасителя. И имя это – Любовь, Единый Бог в Троице.

Как мы теперь видим, Молитва Господня имеет абсолютно всеобщее значение и смысл, выражая – хотя и в обратном порядке – восхождение каждой души от порабощения греху к полноте жизни в Боге; это не просто молитва, это по существу своему молитва **христиан**. Первые слова – "Отче наш" – собственно христианские. Господь говорит в Евангелии от Матфея ([Мф.11:27](#)): «Никто не знает Сына, кроме Отца и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть». Знать в Боге своего отца в каком-то общем смысле дано не только христианам, но и многим: но знать в Нем такого Отца, какого открыл нам Христос, дано только христианам во Христе. Помимо библейского откровения Бог предстает перед нами как Творец всего существующего. Внимательная молитвенная жизнь открывает нам, что это Творец милостивый, любящий, мудрый; такая жизнь может привести нас к тому, что мы будем по аналогии говорить о Творце всяческих, как об отце; Он обращается с нами так, как отец обращается со своими детьми.

Еще до откровения Христова мы находим в Священном Писании пример человека, который, строго говоря, был язычником, но стоял на грани этого ведения Бога в категориях сыновства и отцовства; это Иов. Он называется язычником, потому что не принадлежит к роду Авраамову, не является наследником обетований, данных Аврааму. Из-за спора его с Богом он – одна из самых поразительных фигур Ветхого Завета. Три человека, убеждающие его, знают Бога как своего Владыку: Бог вправе делать то, что Он сделал с Иовом, Бог прав во всем, что бы Он ни делал, потому что Он Господь всего. Но именно этого-то Иов и не может принять, потому что знает Бога иным. По своему духовному опыту он уже знает, что Бог не просто властелин. Он не может согласиться, что Бог обладает произвольным могуществом, что это всесильное Существо, которое может и имеет право делать все, что Ему нравится. Но потому, что

Бог еще ничего не сказал о Себе Самом, все это – область надежды, пророческое прозрение, а не само откровение Бога в Его отцовстве.

Когда Господь является Иову и отвечает на его вопросы, Он говорит в понятиях языческого откровения, для которого типичны слова псалма: «Небеса поведают славу Божию, творение же рук Его возвещает твердь» (Пс.18:2) . Иов понимает, потому что, как говорит вслед за Иеремией (Иер.31:33) апостол Павел, «закон Божий написан у нас в сердцах» (Рим.2:15). Бог ставит Иова перед лицом всего тварного мира и рассуждает с ним; затем, несмотря на то, что, по-видимому, Иов оказывается неправым, Бог объявляет, что он более прав, чем те, кто уверевал его, чем те, кто смотрит на Бога как на земного властелина. И хотя ему недостает подлинного знания о Божественном отцовстве, он знает о Боге больше, чем его друзья. Можно сказать, что в Ветхом Завете у Иова мы находим первое пророческое видение отцовства Божия и того спасения человечества, которое может быть осуществлено только кем-то, кто равен и Богу и человеку. Когда Иов с обличием обращается к Богу и говорит: «Нет между нами посредника, который положил бы руку свою на нас обоих» (Иов.9:33), мы видим в нем человека, превзошедшего своих современников в понимании, но у него еще нет почвы для утверждения своей веры и своего знания, потому что Бог еще не говорил во Христе.

Тайна сыновства и тайна отцовства взаимосвязаны: ты не можешь знать отца, если не знаешь сына, и не можешь знать сына, если ты не отец; познание извне невозможно. Наша связь с Богом основана на акте веры, восполняемом Божиим ответом, который делает этот акт веры плодотворным. Членами Христовыми мы становимся в акте веры, полноту которого Бог подает в крещении. Путем, известным только Богу и тем, кто был призван и получил обновление, мы становимся по приобщению тем, чем Христос является по рождению; только став членами Христа, становимся мы сынами Божиими. Мы не должны забывать, что отцовство Божие – это больше, чем отношение теплой привязанности, это нечто более реальное и нечто предельно истинное. Бог во Христе становится Отцом тех, кто делается членами тела Христова, но не какая-то неопределенная сентиментальность связывает нас со Христом, а подвиг, который может продолжаться всю жизнь и стоить гораздо больше, чем мы предполагали вначале.

То, что Христос и мы становимся едино, означает, что все, относящееся ко Христу, относится и к нам, и мы можем, неведомым прочему миру образом, называть Бога своим Отцом – уже не по аналогии, уже не по предвосхищению или как пророчество, а так же, как Сам

Христос. Это имеет прямое отношение к Молитве Господней: с одной стороны, ею может пользоваться всякий, потому что это молитва всеобщая, это лестница нашего восхождения к Богу; с другой стороны, это совершенно особая и исключительная молитва – молитва тех, кто во Христе являются детьми вечного Отца и могут обращаться к Нему как сыны.

Когда эта молитва рассматривается в ее всеобщем значении, удобнее изучать и анализировать ее как восхождение; но не в таком виде дал ее Христос тем, кто в Нем и вместе с Ним – чада Божии, потому что для них речь идет уже не о восхождении; для них это данность, существующее положение; мы, в Церкви – дети Божии, и первые слова: "Отче наш" (Мф.6:9; Лк.11:2), утверждают этот факт и обязывают нас занять то место, которое мы должны занимать. Бесполезно говорить, что мы недостойны этого звания. Мы его приняли, и оно наше. Мы можем быть блудными детьми, и нам придется отвечать за это, но совершенно очевидно, что никакая сила не может превратить нас снова в то, чем мы перестали быть. Когда блудный сын вернулся к своему отцу и хотел сказать: «Я недостоин больше называться сыном твоим, сделай меня одним из твоих наемников» (Лк.15:19), отец дал ему произнести первые слова: «Я согрешил против неба и перед тобою и уже недостоин называться сыном твоим» (Лк.15:18–19), но здесь прервал его. Да, он недостоин, но он сын, несмотря на свое недостоинство. Ты не можешь перестать быть членом своей семьи, что бы ты ни сделал достойного или недостойного. Чем бы мы ни были, какова бы ни была наша жизнь, как мы ни недостойны называться сынами Божиими или назвать Бога своим Отцом, нам некуда уйти. Это неотъемлемо. Он наш Отец, и мы несем ответственность за отношение сыновства. Он создал нас Своими детьми, и, лишь отвергая права своего рождения, мы становимся блудными сынами. Представьте себе, что не вернулся блудный сын, но остался и женился в чужой земле, – дитя, родившееся от этого брака, будет органически связано с отцом блудного. Если бы ребенок вернулся на родину своего отца, он был бы принят как член семьи; если бы не вернулся – был бы ответственен за это, как и за то, что предпочел остаться чужаком для семьи своего отца.

Для детей многих поколений возвращением в дом Отца является крещение. И мы крестим ребенка точно так же, как лечим младенца, родившегося больным. Другое дело, если позже он станет неправильно думать, что лучше было бы ему сохранить свой недуг, быть бесполезным для общества и избавленным от бремени общественных обязанностей. Крестя младенца, Церковь исцеляет его, чтобы сделать ответственным

членом единственного реального общества. Отвержение собственного крещения равносильно отвержению излечения. В крещении мы не только становимся здоровыми, но и органически делаемся членами Тела Христова.

На этой ступени, называя Бога "Отче наш" (Мф.6:9; Лк.11:2), мы восходим на Сион, на вершину горы, и на вершине горы находим Отца, любовь Божественную, откровение Троицы; и тут же, за стенами – небольшой холм, который мы зовем Голгофой, где сливаются воедино история и вечность. Здесь мы можем обернуться и посмотреть назад. Именно отсюда должен христианин начинать свою христианскую жизнь, завершив восхождение, и начать произносить Молитву Господню в той последовательности, в какой дает ее нам Господь, как молитву Единородного Сына, как молитву Церкви, молитву каждого из нас в нашей общности со всеми, как молитву того, кто является сыном в Сыне. И только тогда можем мы начать спускаться с горы, шаг за шагом, навстречу тем, что еще в пути или кто даже не начинал идти.

Молитва Вартимея

Случай с Вартимеем, как он рассказал у Марка ([Мк.10, 46–52](#)), помогает нам постигнуть ряд моментов, связанных с молитвой.

«Приходят в Иерихон. И когда выходил Он из Иерихона с учениками Своими и множеством народа, Вартимей, сын Тимеев, слепой, сидел у дороги, прося милостины. Услышав, что это Иисус Назорей, он начал кричать и говорить: Иисус, Сын Давидов! помилуй меня. Многие заставляли его молчать; но он еще более стал кричать: Сын Давидов! помилуй меня. Иисус остановился и велел его позвать. Зовут слепого и говорят ему: не бойся, вставай, зовет тебя. Он сбросил с себя верхнюю одежду, встал и пришел к Иисусу. Отвечая ему, Иисус спросил: чего ты хочешь от Меня? Слепой сказал Ему: Учитель! чтобы мне прозреть. Иисус сказал ему: иди, вера твоя спасла тебя. И он тотчас прозрел и пошел за Иисусом по дороге».

Этот человек, Вартимей, не был, по-видимому, молодым; уже много лет сидел он у Иерихонских ворот, получая пропитание от милосердия или безразличного достатка прохожих. Вероятно, в течение своей жизни он испробовал все существующие средства и все возможные пути к излечению. Возможно, что ребенком его приносили в храм и там за него совершались молитвы и жертвоприношения. Он побывал у всех, кто мог врачевать либо по дару исцелений, либо с помощью знаний. Он, несомненно, боролся за то, чтобы прозреть, и неизменно терпел разочарование. Были испытаны все человеческие средства, но он оставался слепым. Возможно, в предшествовавшие месяцы ему случалось слышать, что в Галилее появился молодой проповедник, Человек, любящий народ, милосердный, святой человек Божий, человек, который может исцелять и творить чудеса. И, возможно, он часто думал, что если бы мог, то постарался бы встретиться с Ним; но Христос не оставался на одном месте и мало было надежды, что слепой найдет к Нему дорогу. И так, с этой искрой надежды, делавшей его отчаяние еще более глубоким и еще более острым, сидел он у Иерихонских ворот.

Однажды мимо проходила толпа, толпа больше обычной, шумная восточная толпа; слепец услышал и спросил, кто это идет. и когда ему сказали, что это Иисус из Назарета, он начал звать. Та искра надежды, которая оставалась в его душе, мгновенно обратилась в пламя, в горячий огонь надежды. Иисус, Которого он никогда не мог бы встретить, проходил по его дороге. Он шел, и с каждым шагом становился все ближе

и ближе, а потом каждый шаг будет отдалять Его дальше и дальше, безвозвратно; и слепец начал кричать: “Иисус. Сын Давидов, помилуй меня”. Это было самое совершенное исповедание веры для того времени. Он признал в Нем Сына Давида. Мессию; он не мог еще назвать Его Сыном Божиим, потому что даже ученики еще не знали этого; но он признал в Нем Того, Кого ожидали. И тогда случилось то, что постоянно происходит в нашей жизни: ему велели замолчать.

Как часто случается, что когда после многих лет исканий и одинокой борьбы мы вдруг обращаемся с воплем к Богу, множество голосов, внешних и внутренних, пытается пресечь нашу молитву. Стоит ли молиться? Сколько лет ты борешься, а Бог не обращает на это никакого внимания? Обратит ли Он внимание теперь? Зачем молиться? Возвращайся в свою безнадежность, ты слеп, и слеп навсегда. Но чем сильнее сопротивление, тем очевиднее и то, что помочь совсем близко. Никогда дьявол не нападает на нас так яростно, как когда мы уже совсем близки к завершению борьбы, и мы могли бы спастись, но часто этого не случается, потому что мы отступаем в последнее мгновение. “Довольно, бросай, – говорит дьявол, – это уже слишком, это больше, чем ты можешь вынести, надо положить этому конец немедленно, не жди: ты ведь не в силах больше выдержать”. И тогда мы совершают самоубийство: физически, нравственно, духовно; мы отказываемся от борьбы и принимаем смерть – за минуту до того, как помощь была бы подана и мы были бы спасены.

Никогда не надо слушать этих голосов; чем громче они кричат, тем сильнее должна быть наша решимость; мы должны быть готовы взывать так долго, как это потребуется и так же громко, как Вартиней. Иисус Христос проходил мимо, последняя его надежда проходила мимо, но люди, окружавшие Христа, были равнодушны или старались заставить его замолчать. Его горе и страдание были совсем некстати. Те, кому Христос был, может быть, меньше нужен, но кто окружал Его, хотели, чтобы Он занимался ими. С какой стати этот несчастный слепец мешает им? Но Вартиней знал, что нет для него больше надежды, если уйдет и эта, последняя. Эта глубина безнадежности и была источником, откуда хлынула вера, молитва, полная такой убежденности и настойчивости, что она прорвала все преграды. – одна из тех молитв, которые бьют в небо как стрела, по слову Иоанна Лествичника. И оттого, что отчаяние Вартия было так глубоко, он не слушал голосов, приказывавших ему замолчать, сидеть тихо; чем больше они старались не допустить его ко Христу, тем громче он кричал: “Сын Давидов, помилуй меня!” Христос остановился,

сказал, чтобы его подвели к Нему, и сотворил чудо.

В нашем практическом подходе к молитве мы можем научиться у Вартимея, что когда мы всем сердцем обращаемся к Богу, Бог всегда слышит нас. Обычно, когда мы осознаем, что не можем больше полагаться на то, что привыкли считать надежным вокруг себя, мы еще не готовы отказаться от этих вещей. Мы можем видеть, что надежды нет, пока употребляются человеческие, земные средства. Мы стремимся к чему-то, пытаемся прозреть и постоянно терпим крах; это мука и безнадежность, и если мы остановимся здесь, это означает поражение. Но если в этот момент мы обратимся к Богу, зная, что остается один только Бог, и скажем: “Я верю Тебе и в Твои руки предаю свою душу и тело, всю мою жизнь” – тогда отчаяние привело к вере.

Отчаяние ведет к новой духовной жизни, когда у нас появляется мужество идти глубже и дальше, с сознанием, что мы отчаялись не в конечной победе, а в средствах, которые применяли для ее достижения. Тогда мы начинаем с твердого основания совершенно по-новому. Бог может вернуть нас к одному из средств, которые мы уже испытывали, но которое теперь, с ним, мы сумеем употребить успешно. Всегда необходимо реальное сотрудничество между Богом и человеком, и тогда Бог даст разум, мудрость и силу делать то, что нужно, и достигать правильной цели.

Богомыслие и молитва

Практически богомыслие и молитву часто смешивают, но в этом нет опасности, если богомыслие перерастает в молитву. Опасность возникает только тогда, когда молитва перерождается в размышление. Богомыслие и означает прежде всего размышление, – размышление, предметом которого является Бог. Если, размышляя, мы постепенно все глубже проникаемся духом молитвенного бого поклонения, если присутствие Божие становится достоверным и мы видим, что действительно пребываем с Богом, и если от размышлений мы постепенно переходим к молитве, все правильно; но никогда нельзя допускать обратного процесса, и в этом смысле между богомыслием и молитвой существует четкое различие.

Главное отличие богомыслия от нашего обычного беспорядочного мышления заключается в ясности, стройности: богомыслие должно быть аскетическим упражнением в трезвении ума. О том, как люди обычно думают, Феофан Затворник говорит, что мысли толкуются в нашей голове подобно стае мошек, однообразно, беспорядочно, бесполезно и бесплодно.

Первое, чему следует научиться, какой бы предмет для размышления мы ни избрали, это следовать определенной линии. Как только мы начинаем думать о Боге, о вещах божественных, обо всем, что составляет жизнь души, возникают побочные мысли; со всех сторон мы видим столько возможностей, столько интересного и содержательного; но мы должны, избрав предмет размышления, отказываться от всего, кроме избранной темы. Это единственный способ удержать течение мыслей в одном направлении, так, чтобы они могли углубиться.

Цель богомыслия – не в академическом упражнении мысли; оно не должно быть чисто интеллектуальным занятием или прекрасным, но бесплодным полетом мысли; оно должно быть работой целеустремленного размышления, совершаемого под водительством Божиим и направленного к Богу, и плодом его должны быть выводы о том, как нам жить. С самого начала необходимо осознать, что полезным было то упражнение в богомыслии, которое помогает нам жить в более определенном и конкретном соответствии с Евангелием.

Каждый из нас невосприимчив к одним проблемам и открыт для других; когда мы еще не привыкли к размышлению, лучше начинать с чего-то, что для нас живо: с тех изречений, которые привлекают нас, от которых «сердце наше горит в нас» (Лк.24:32), или, наоборот, с того, против чего мы восстаем, чего не можем принять; в Евангелии мы

находим и то и другое.

Что бы мы ни взяли – отдельный стих, какую-либо заповедь, событие из жизни Христа, мы должны прежде всего определить подлинное, объективное его содержание. Это очень важно, потому что цель богомыслия не в том, чтобы возвести фантастическое построение, а в том, чтобы понять определенную истину. Истина – здесь, она дана нам, это Божия истина, и богомыслие должно стать мостом между нашим непониманием и откровенной истиной. Таким образом мы можем воспитать свой разум и постепенно научиться иметь «ум Христов», по слову апостола Павла (1Кор.2:16).

Уяснить себе подлинное значение текста не всегда так просто, как это кажется; есть места совсем легкие, но есть и такие места, где употребляются формулировки, обращенные одновременно к самому простому человеческому опыту и вместе с этим к углубленному многообразному религиозному опыту. Например, выражение «Невеста Агнца» (Откр.21:9) можно понять, только если мы знаем, что именно Священное Писание разумеет под словом “Агнец”, иначе оно становится совершенно бессмысленным и будет понято неправильно.

Невеста – это опыт земли, опыт человеческий в самом священном, в самом глубоком, тонком, что в нем есть. Невеста – это та, которая сумела, оказалась способной так полюбить жениха, чтобы все остальное забыть и оставить, чтобы прилепиться к нему, чтобы последовать за ним, куда бы он ни пошел. Обращаясь к слову “невеста” сначала в Ветхом Завете, а затем в книге Откровения, мы видим, что таков дух Церкви по отношению к Жениху – Христу; но этот Жених Христос обозначается словом трагичным: «Агнец Божий» (Ин.1:29). Это выражение мы встречаем на фоне всех ветхозаветных жертвоприношений, всех образов пророческих Агнца, закланного за спасение мира, Мужа скорбей из Исаиного пророчества. И вот, соединяя эти два понятия, мы получаем полный их смысл и значение. Если мы будем исходить только из нашего человеческого опыта, то останется нерасшифрованной тайна пути, по которому пойдет Невеста. Да, она пойдет, куда бы ни пошел Жених; но куда идет Жених? Каков будет облик этой Невесты? А мы, именно потому, что слово “агнец” покоится на всей традиции Израиля, знаем, что это Агнец заколения, закланый Агнец, и что путь Невесты через весь мир, через всю судьбу, всю историю земли походит сквозь унижение вифлеемское, через жизнь абсолютной, безграничной солидарности Божией со Своей тварью, и идет дальше, через Гефсиманию и Голгофу, к Воскресению...

Есть и другого рода слова, которые мы можем понять правильно, только если не будем принимать во внимание особое или техническое значение, которое они приобрели. Одно из таких слов – “дух”. Для христианина “дух” – своего рода технический термин; это или Святой Дух, Третье Лицо Святой Троицы, или одна из составных частей человеческого существа – тела и души. Но такое понимание не всегда выражает со всей простотой и широтой то, что хотели передать составители Евангелия; слово стало таким специальным, что утратило связь со своим корнем. Уяснить текст и его значение иногда помогает определение слова, указанное в словаре. Можно найти в словаре слово “дух” или любое другое слово, и оно сразу же покажется простым и конкретным, хотя оно и могло со временем, в результате работы богословов, приобрести более глубокое значение. Но никогда не надо начинать с более глубокого значения раньше, чем найдем простое конкретное значение, которое было понятно каждому в то время, когда Христос говорил с окружавшим Его народом.

Есть вещи, которые мы можем понять лишь в свете учения Церкви: Священное Писание следует понимать разумом Церкви, разумом Христовым, потому что Церковь не меняется; в своем внутреннем опыте она продолжает жить той же жизнью, какой жила в первом веке; и слова, сказанные в Церкви Павлом, Петром, Василием или другими, всегда сохраняют свое значение. Так, после предварительного восприятия на нашем собственном, современном языке мы должны обратиться к тому, что понимает под этим словом Церковь; только тогда мы можем быть уверены в смысле данного текста и имеем право начать думать и делать выводы. Как только мы найдем значение текста, следует посмотреть, не дает ли оно нам уже в своей предельной простоте конкретного совета или даже прямого приказания. Поскольку цель богомыслия, понимания Священного Писания – в том, чтобы исполнить волю Божию, мы должны делать практические выводы и поступать в соответствии с ними. Когда нам открылся смысл, когда в этой фразе Бог сказал нам нечто, мы должны вникнуть в суть и посмотреть, что мы можем сделать, подобно тому, как поступаем, когда нам приходит в голову хорошая идея; осознав, что то или другое правильно, мы тут же начинаем думать, как бы включить это в свою жизнь, каким образом сделать это, при каких обстоятельствах, каким способом. Недостаточно понять, что можно сделать, и с восторгом начать рассказывать об этом своим друзьям; надо начать делать это. Египетский святой Павел Препростый услышал однажды, как Антоний Великий читал первый стих первого псалма: «Блажен муж, иже не иде на совет

нечестивых» ([Пс.1:1](#)) и тотчас Павел отправился в пустыню. Только лет тридцать спустя, когда Антоний снова встретил его, святой Павел с глубоким смирением сказал ему: “Я провел все это время, стараясь стать человеком, который никогда не ходит на совет нечестивых”. Для достижения совершенства нет надобности понимать многое; что нужно, так это провести тридцать лет в старании понять, что такое этот новый человек, и стать им.

Часто мы рассмотрим одно или два положения и перескакиваем дальше; это неправильно, потому что, как мы только что видели, нужно долгое время, чтобы научиться собранности, чтобы стать тем, что отцы называют внимательным человеком, тем, кто способен вникать в какую-то мысль так долго и глубоко, чтобы ничего не упустить из нее. Все духовные писатели прошлого и наших дней скажут вам: возьми текст, размышляй над ним, час за часом, день за днем, пока не исчерпаешь всех своих возможностей, как умственных, так и эмоциональных, и пока, внимательно читая и перечитывая этот текст, не придешь к новому отношению к жизни. Очень часто богомыслие состоит только в том, чтобы вникать в текст, повторяя вновь и вновь эти слова Божии, обращенные к нам, чтобы настолько сродниться с ними, настолько впитать их в себя, что постепенно мы и эти слова станем одно. И в этом процессе, даже если нам кажется, что умственно мы ничем особенно не обогатились, мы изменяемся.

Нам очень часто выпадает время, которое можно использовать на размышление; в нашей повседневной жизни столько случаев, когда нам нечего делать, кроме как ждать, и если мы дисциплинированы – а это также составляет часть нашего духовного воспитания, мы сумеем быстро сосредоточиться и тотчас фиксировать свое внимание на предмете нашего размышления, нашего богомыслия. Мы должны учиться этому, принуждая свои мысли собираться в одном фокусе, отключаясь от всего прочего. Вначале будут вторгаться посторонние мысли, но если мы неизменно каждый раз будем отгонять их, они в конце концов оставят нас в покое. И только когда благодаря тренировке, упражнению, навыку мы станем способны сосредотачиваться глубоко и быстро, мы сможем продолжать жизнь в состоянии собранности, независимо от того, что мы делаем. Однако замечать присутствие посторонних мыслей – значит уже достигнуть какой-то степени собранности. Мы можем находиться в толпе, быть среди людей и в то же самое время оставаться совершенно одни, так что окружающее нас не затрагивает; от нас самих зависит допустить или не допустить, чтобы происходящее вне нас стало событием нашей

внутренней жизни. Если мы допустим это, то наше внимание рассеется; если же не допустим, то можем в совершенном уединении и собранности пребывать в присутствии Божиим, что бы вокруг нас ни происходило. У Аль Абсихи есть рассказ о сосредоточенности такого рода: домочадцы одного мусульманина должны были хранить почтительное молчание., когда приходил гость, но все знали, что могут шуметь сколько угодно в то время, как глава семьи молится, потому что в это время он ничего не слышит; однажды случилось даже так, что ему не помешал и пожар, вспыхнувший в его доме.

Бывает, что мы находимся в обществе людей, поглощенных горячим и безысходным спором. Мы не можем уйти, не вызвав еще большего беспорядка, но что мы можем, так это мысленно выключиться, обернуться ко Христу и сказать: “Я знаю, что Ты здесь, – помоги!” И просто оставаться со Христом. Если бы это не звучало так абсурдно, можно бы сказать: сделайте, чтобы Христос присутствовал среди спора. Объективно Он присутствует всегда, но есть разница между присутствием объективным и таким, когда актом веры мы вводим Его в определенную ситуацию. Сделать ничего нельзя, кроме того, чтобы сидеть в стороне и просто быть со Христом, предоставляя другим говорить. Его присутствие сделает больше, чем все, что мы могли бы сказать. И так, спокойно и в безмолвии оставаясь со Христом, мы неожиданно заметим, что можем время от времени сказать что-то существенное, что было бы невозможно в пылу спора.

Параллельно с дисциплиной умственной мы должны научиться иметь мирное тело. На всякую нашу психическую деятельность отзывается тело, и, с другой стороны, наше телесное состояние в известной степени определяет тип и характер нашей психической деятельности. В своих советах желающим приступить к духовной жизни Феофан Затворник говорит, что одно из непременных условий успеха – никогда не допускать телесного размягчения; будьте, как струна скрипки, настроенная на определенную ноту, без расслабления или перенапряжения; держите тело выпрямленным, плечи отведенными назад, посадка головы пусть будет свободной, все мышцы держите напряженными к сердцу.

Многое написано и сказано о том, как можно пользоваться телом, чтобы развить в себе способность к вниманию; но на общедоступном уровне совет Феофана представляется простым, точным и практическим. Надо научиться быть собранным без напряжения. Мы должны владеть своим телом так, чтобы оно не мешало нашей собранности, а способствовало ей.

Богомыслие – деятельность мысли, тогда как молитва – это отвержение всякой мысли. По учению восточных Отцов, даже к благочестивым мыслям и самым глубоким и возвышенным богословским рассуждениям, если они возникают во время молитвы, следует относиться как к искушению и отгонять их; ибо, говорят Отцы, безрассудно думать о Боге и забывать, что находишься в Его присутствии. Все духовные наставники Православия предостерегают нас от подмены этой встречи с Богом размышлениями о Нем. Молитва по существу своему – стояние перед Богом лицом к лицу, с сознательным желанием быть собранным и совершенно спокойным и внимательным в Его присутствии; это означает стоять с неразделенным умом, неразделенным сердцем и неразделенной волей в присутствии Господа; и это нелегко. Что бы ни давала нам наша тренировка, всегда остается некая уязвимость: неразделенность может быть достигнута только тем, для того любовь Божия составляет все, кто разорвал всякие узы, кто целиком отдал себя Богу; тогда нет больше личного усилия, но только действие лучезарной благодати Божией.

Бог всегда должен быть средоточием нашего внимания, ибо собранность наша может оказаться подмененной самыми различными путями: когда наша молитва вызвана глубокой скорбью, нам кажется, что все наше существо обратилось в молитву, и мы воображаем, будто пребываем в состоянии глубокой, подлинной молитвенной собранности, но это неверно, потому что средоточием нашего внимания был не Бог; им был предмет нашей молитвы. Когда мы затронуты эмоционально, посторонние мысли не возникают, потому что мы полностью поглощены тем, о чем молимся; и только когда мы переходим к молитве о другом человеке или другой нужде, наше внимание внезапно рассеивается; это означает, что не мысль о Боге, не ощущение Его присутствия было причиной такой сосредоточенности, а наше человеческое участие. Это не значит, что человеческое участие неважно, но это значит, что мысль о другом может сделать больше, чем мысль о Боге. А это очень серьезно.

Одна из причин, почему мы находим, что так трудно быть внимательными, заключается в том, что наш акт веры, когда мы утверждаем “Бог здесь”, слишком мало значит для нас. Мы мысленно сознаем, что Бог здесь, но не отзываемся на это физически так, чтобы сосредоточились и собрались в одном фокусе все наши силы, помышления, чувства и воля, чтобы мы обратились целиком во внимание. Если мы готовимся к молитве при помощи процесса воображения – “Христос здесь, вот каков Он, вот что я о Нем знаю, вот что Он для меня значит...” – то чем богаче образ, тем менее реально присутствие. Мы

можем получить от этого помошь для некоторой эмоциональной сосредоточенности, но это не Божие присутствие, не реальное, объективное присутствие Бога.

Ранние Отцы и вся православная традиция учат нас, что мы должны усилием воли сосредоточиваться на произносимых словах молитвы. Мы должны произносить их внимательно, по существу, не стараясь вызвать никакого эмоционального состояния и предоставив Богу пробудить в нас такой отклик, на который мы способны.

Святой Иоанн Лествичник предлагает простой способ научиться сосредоточенности. Он говорит: выбери молитву, “Отче наш” или любую другую, встань перед Богом, проникнись сознанием, где ты находишься и что делаешь, и внимательно произнеси слова молитвы. Через некоторое время заметишь, что мысли твои блуждают, тогда снова начни молиться с тех слов, которые последними произнес внимательно. Может быть, тебе придется сделать это десять, двадцать или пятьдесят раз; может быть, за время, отведенное для молитвы, ты сможешь произнести всего три прошения и дальше не двинешься; но в этой борьбе ты сумеешь сосредоточиться на словах, так, что принесешь Богу серьезно, трезвенно, благоговейно слова молитвы, в которых участвует сознание, а не приношение, которое не твое, потому что сознание твое в нем не участвовало.

Иоанн Лествичник советует также читать избранную нами молитву не спеша, равномерно, достаточно медленно, чтобы заключить внимание в слова, но не так медленно, чтобы это упражнение стало скучным; и делать это, не стараясь испытать какие бы то ни было чувства, потому что цель наша – отношения с Богом: приходя к Богу, мы никогда не должны стараться выдавить из своего сердца какие-то эмоции; молитва – это констатация, все остальное зависит от Бога.

При таком методе обучения молитве отводится определенное время, и если молитва внимательна, то продолжительность этого времени значения не имеет. Если вы должны были прочитать три страницы молитвенного правила, а через полчаса увидите, что все еще читаете первые двенадцать слов, это, конечно, вызовет у вас чувство обескураженности; поэтому лучше всего иметь определенное время и держаться его. Вы знаете, каким временем располагаете, и у вас есть молитвенный материал, которым вы должны пользоваться; если вы будете бороться всерьез, то очень скоро заметите, что внимание стало покорным, ибо внимание гораздо больше поддается воздействию воли, чем мы думаем; и когда мы совершенно точно знаем, что ничего другого не остается, это должно быть двадцать

минут, а не четверть часа, то просто продолжаем упорно бороться. Святой Иоанн Лествичник воспитал десятки монахов только этим простым методом: строго определенное время и беспощадное внимание – больше ничего.

Внешняя красота богослужения не должна увлекать нас до забвения о том, что в Православии трезвенность – очень существенное свойство молитвы. В “Откровенных рассказах странника” сельский священник дает очень важный совет о молитве: если хочешь, чтобы твоя молитва была чистой, правильной и радостной, выбери какую-нибудь краткую молитву, состоящую из не многих, но сильных слов, и повторяй ее часто, в течение долгого времени. Тогда обретешь в молитве утешение. Ту же мысль можно найти в “Письмах брата Лаврентия”: “Не советую тебе многословить в молитве, так как многословие и длинные речи часто ведут к рассеянности”⁴.

Отца Иоанна Кронштадтского спросили, каким образом священники, несмотря на весь свой опыт, бывают рассеянными и допускают посторонние мысли даже при совершении литургии. Ответ был: “От нашего маловерия”. У нас недостаточно веры, если понимать веру вместе с апостолом Павлом как «уверенность в невидимом» (Евр.11:1). Но было бы ошибочно думать, что все рассеивающие мысли приходят из наших собственных глубин: это наша непрестанная внутренняя озабоченность, выступающая на поверхность, те самые мысли, которые обычно заполняют нашу жизнь; и единственный способ окончательно избавиться от недостойных мыслей – это коренным образом изменить все наше отношение к жизни. И снова, как пишет брат Лаврентий в восьмом письме, “единственный способ легко собирать свой ум во время молитвы и хранить его более спокойным – это не допускать его блуждать в другое время; ты должен строго держать его в присутствии Божием, и, привыкнув думать о Боге часто, ты найдешь легким удерживать свой ум спокойным во время молитвы, или, по крайней мере, возвращать его из его блужданий”.

До тех пор, пока нас глубоко затрагивают все будничные мелочи, мы не сумеем молиться от всего сердца; они всегда будут окрашивать течение наших мыслей. То же самое следует сказать о наших ежедневных взаимоотношениях с людьми: эти взаимоотношения не должны состоять только из пустой болтовни, но основываться на том, что в каждом из нас является существенным, иначе мы можем оказаться не в состоянии подняться на другой уровень, когда повернемся к Богу. Надо искоренять все незначительное и мелочное в себе и в своих отношениях с людьми и

сосредоточиться на том, что сможем взять с собой в вечность.

Невозможно стать другим человеком сразу же с того момента, как мы начинаем молиться. Но, внимательно наблюдая за своими мыслями, можно постепенно научиться различать их ценность. Во время молитвы неудержимо прорываются те мысли, в которые мы бываем погружены в нашей повседневной жизни. Молитва, со своей стороны, изменяет и обогащает нашу повседневную жизнь, становясь основанием для новых и подлинных взаимоотношений с Богом и окружающими нас людьми.

В нашей борьбе за молитву эмоции не имеют почти никакого отношения к делу: принести Богу мы должны полную, твердую решимость быть верными Ему и устремленность к тому, чтобы Бог жил в нас. Мы должны помнить, что плоды молитвы – не то или иное эмоциональное состояние, но глубокое изменение всего нашего существа. Цель наша – стать способными стоять перед Богом, сосредоточиваться на Его присутствии, обращая к Нему все наши нужды, и принять от Него крепость, силу для того, чтобы воля Божия исполнилась в нас. Исполнение в нас воли Божией – единственная цель молитвы, а также и критерий истинной молитвы. Не мистические чувства, которые мы можем испытывать, и не эмоциональные переживания составляют достоинство молитвы. Феофан Затворник говорит: вы спрашиваете себя, хорошо ли я сегодня молился? Не старайтесь выяснить, насколько глубокими были ваши чувства или насколько вы углубились в понимание вещей божественных. Спросите себя: “Лучше ли я исполняю волю Божию, чем раньше?” И если вы можете ответить “да”, молитва принесла свой плод, если же нет, она не принесла плода, сколько бы понимания и чувства вы ни вынесли из времени, проведенного в присутствии Божиим.

Собранность, будь то в богомыслии или молитве, может быть достигнута только усилием воли. Наша духовная жизнь опирается на нашу веру и решимость, а всякая непредвиденная радость – это дар Божий. Когда преподобного Серафима Саровского спросили, отчего некоторые люди остаются грешниками и никогда не исправляются, тогда как другие становятся святыми и живут в Боге, он ответил: все дело в решимости.

Наши действия должны определяться актом воли, которая обычно оказывается обратной тому, к чему мы стремимся; эта воля, основанная на нашей вере, постоянно сталкивается с другой нашей волей – инстинктивной. В нас две воли: одна – сознательная, которой мы обладаем в большей или меньшей мере, заключающаяся в способности принуждать себя поступать в соответствии с нашими убеждениями; вторая – это нечто совсем иное в нас, это влечения, требования, страстные желания всего

нашего естества, очень часто противоположные первой воле. Апостол Павел говорит о двух законах, противоборствующих один другому (Рим.7:23). Он говорит о ветхом и новом Адаме в нас, которые ведут между собой войну. Мы знаем, что один должен умереть для того, чтобы жил другой, и должны понять, что наша духовная жизнь, жизнь всего нашего человеческого существа до тех пор не будет полноценной, пока эти две воли не станут согласны между собой. Недостаточно стремиться к победе доброй воли над злой; злая воля, то есть влечения нашего падшего естества, должна полностью, хотя и постепенно, преобразоваться в устремление, влечение к Богу, жажду Бога. Это борьба тяжелая, но она того стоит.

Духовная жизнь, христианская жизнь не заключается в том, чтобы развивать сильную волю, способную принудить нас делать то, чего мы не хотим. В каком-то смысле, разумеется, научиться поступать правильно, когда нам хочется поступать совсем по-другому, – это достижение, но достижение все же небольшое. Зрелая духовная жизнь – это такая жизнь, когда наша сознательная воля находится в согласии со словами Божиими, когда она с помощью Божией благодати преобразовала, изменила нашу природу так глубоко, что все наше человеческое существо стало единой волей. Начать надо с того, чтобы подчинить и склонить свою волю в послушание заповедям Христовым, принимая их объективно и выполняя совершенно точно, даже когда они расходятся с тем, что мы знаем о жизни. Актом веры, вопреки всякой очевидности, мы должны согласиться, что Христос прав. Опыт учит нас, что некоторые вещи, по-видимому, происходят не так, как они должны бы происходить согласно Евангелию; но Бог говорит, что это так, – значит, так и должно быть. Следует также помнить, что, выполняя волю Божию в таком объективном смысле, мы не должны делать это “на пробу”, намереваясь испытать ее, чтобы посмотреть, что получится, – потому что тогда именно ничего и не получается. Опыт показывает, что, когда мы получаем пощечину, нам хочется отомстить; Христос говорит: “подставь другую щеку”. И когда мы, наконец, решимся подставить другую щеку, мы в действительности ожидаем, что покорим этим врага и вызовем его восхищение. Но если вместо этого мы получаем новую пощечину, мы обычно очень удивляемся или возмущаемся, словно Бог вовлек нас в дело совершенно неосуществимое.

Мы должны перерости такое отношение, быть готовыми выполнять Божию волю и платить за это сполна. Если мы не готовы платить, мы только теряем время попусту. Затем надо сделать следующий шаг и

понять, что делать еще недостаточно, потому что мы должны не мушткой втискивать себя в христианство, а должны **стать** христианами; в процессе выполнения воли Божией мы должны научиться понимать намерения Божии. Христос открыл нам Свои намерения, и не случайно в Евангелии от Иоанна Он называет нас уже не рабами, а друзьями, потому что раб не знает намерений своего господина, а Он все сказал нам (Ин.15:15). Исполняя волю Божию, мы должны учиться понимать, что означает это исполнение, так, чтобы в своих мыслях воле, во всем своем отношении к жизни стать соработниками Христу (1Кор.3:9). И в таком единомыслии с Ним мы постепенно внутренне станем тем, чем стараемся быть внешне.

Мы видим, что не можем глубоко приобщиться к жизни Бога, если не изменимся коренным образом. Необходимо поэтому идти к Богу для того, чтобы Он преобразил и изменил нас, и вот почему мы должны прежде всего просить об обращении. Обращение (лат. *conversio*) означает поворот, изменение ума. Греческое слово *metanoia* означает изменение ума. Обращение в смысле *conversio* означает, что вместо того, чтобы растрачивать жизнь, глядя во все стороны, мы станем держаться одного-единственного направления. Это значит отвернуться от множества вещей, которые имели цену для нас только потому, что были нам приятны или полезны. Обращение проявляется прежде всего в изменении нашей шкалы ценностей: когда в центре всего Бог, все остальное становится на новые места, получает новую глубину. Все, что Божие, все, что принадлежит Ему – положительно и реально. Все, что вне Его, не имеет ни ценности, ни значения. Но простое изменение взгляда на вещи еще нельзя называть обращением. Мы можем изменить свои взгляды и не пойти дальше; за этим обязательно должен последовать акт воли, и если наша воля не придет в движение и не изменит своей направленности, обратившись к Богу, то обращения нет; без этого в нас есть лишь зарождающаяся, но дремлющая и бездейственная перемена. Совершенно очевидно, что недостаточно смотреть в правильном направлении и не двигаться с места. Угрозы совести нельзя принимать за раскаяние; раскаяние состоит не в том, чтобы испытывать “ужаснейшее сожаление” по поводу неправильных поступков в прошлом: это активное, положительное состояние, заключающееся в том, чтобы идти в правильном направлении. Это очень ясно показано в притче о двух сыновьях, которых отец послал работать в своем винограднике. Один сказал “иду” – и не пошел. Другой ответил “не пойду”, но потом устыдился и пошел работать (Мф.21:28–30). Это было подлинное раскаяние, и мы никогда не должны обольщаться, воображая, что сожаление о своем прошлом есть акт покаяния. Конечно, это часть его,

но покаяние остается нежизненным и бесплодным, пока оно не приведет нас к исполнению воли Отчей. Мы склонны думать, что оно должно сводиться к прекрасным чувствам, и очень часто удовлетворяемся эмоциями вместо подлинного, глубокого внутреннего изменения.

Как часто, обидев кого-нибудь и поняв, что мы были не правы, мы идем к обиженному и говорим о своем раскаянии и после взволнованных объяснений, слез, прощении и трогательных слов уходим с чувством, что сделали все возможное. Мы плакали вместе, мы помирились, и теперь все в порядке. Но это отнюдь не так. Мы просто насладились своими добродетелями, а другой человек, быть может, добросердечный и способный легко растрогаться, откликнулся на нашу эмоциональную сцену. Это – что угодно, только не обращение. Никто не просит нас проливать слезы и искать трогательной встречи с жертвой нашей жестокости, даже если эта жертва – Бог. Ожидается от нас совсем другое: чтобы, поняв свою неправоту, мы ее исправили.

Но на этом обращение не кончается; оно должно вести нас дальше, по пути, который сделает нас иными. Обращение начинается, но никогда не заканчивается. Это нарастающий процесс, в ходе которого мы все более и более становимся тем, чем должны быть, до тех пор, когда после дня судного катарсиса падения, обращения и праведности не исчезнут и не заменятся новыми категориями новой жизни. Христос говорит: «Се, творю все новое» (Откр.21:5).

Молиться можно везде и всюду, но есть места, где молитва находит естественную для нее атмосферу; места эти – храмы, во исполнение обетования: «Я обрадую их в Моем доме молитвы» (Ис.56:7).

После того, как храм освящен, он становится жилищем Божиим. Здесь Бог присутствует иначе, чем во всем остальном мире. В мире Он присутствует как пришлец, как странник, проходящий от двери к двери, не имея, где приклонить главу; Он идет как Владыка мира, отвергнутый миром, изгнанный из Своего царства и вернувшийся в него, чтобы спасти Свой народ. В храме же Он – у Себя дома; Он не только Творец и Господин по праву, – здесь Его и признают Творцом и Господом. Вне храма Он действует, когда может и как может; внутри храма Он во всей Своей власти и силе, и уже от нас зависит приходить к Нему.

Когда мы строим храм или высвобождаем особое место для молитвы, мы совершаём нечто выходящее далеко за рамки видимого значения этого факта. Вся земля, Богом созданная, стала ареной человеческого греха: тут действует диавол, тут ведется непрестанная борьба; нет места на этой земле, которое не было бы запятнано кровью, страданием или грехом.

Избирая на ней малое пространство, призываю в священнодействиях, сообщающих благодать, силу Самого Бога для благословения этого места, очистив его от присутствия злого духа и выделив для того, чтобы оно было подножием Божиим на земле, мы вновь отвоевываем для Бога частицу этой обесчещенной земли. Можно сказать, что храм – это место, где Царство Божие открывается и проявляется в силе. Когда мы входим в храм, мы должны сознавать, что вступаем на священную землю, место, принадлежащее Богу, и держать себя в соответствии с этим сознанием.

Иконы, которые мы видим на стенах храма, – не просто изображения или картины; икона – это средоточие реального присутствия. Святой Иоанн Златоустый советует нам перед тем, как начать молиться, встать перед иконой и закрыть глаза. Он говорит: “закрой очи твои”, потому что не в рассматривании иконы, не в употреблении ее в виде наглядного пособия подается нам от нее помочь для молитвы. Это не субстанциональное *сущностное присутствие в таком смысле, как хлеб и вино становятся Телом и Кровью Христовыми. В таком смысле икона не есть Христос; но между Ним и иконой существует таинственная связь.* Силой благодати икона участвует в чем-то, что лучше всего можно определить словами Григория Паламы как энергии Христа, как деятельная сила Христова, действующая для нашего спасения.

Написание иконы – это акт богочествления. Специально выбирается и освящается доска, освящаются краски, человек, собирающийся писать икону, готовится к этому постом, исповедью, причащением. Во время работы он ведет особо воздержный образ жизни, по окончании ее икону освящают святой водой и помазывают миром (эта последняя часть освящения сейчас, к сожалению, часто опускается). Так, силою Святого Духа икона становится чем-то большим, нежели картина. Она насыщена присутствием, напоена благодатью Духа и в тайне общения святых и космического всеединства связана с тем святым, которого изображает. Причастность святого к иконе нельзя отождествлять или хотя бы сравнивать с присутствием Христа в Святых Дарах; и все же икона является средоточием реального присутствия, как опытно знает и учит Церковь. Икона – не подобие, а символ. Силой и премудростью Божией некоторые иконы выделены как чудотворные. Стоя перед ними, чувствуешь, как они сами обращаются к тебе.

Один священник служил в храме, где находится известная чудотворная икона Божией Матери, и глубоко ощущал ее действенное участие в богослужении. За многие века икона очень потемнела; с места, где он стоял, он не мог различить ее черты и продолжал служить с

закрытыми глазами. Внезапно он почувствовал, что Матерь Божия на иконе как бы понуждает его молиться, направляет его молитвы, воздействует на его ум. Он почувствовал исходящую от иконы силу, которая наполняла храм молитвой и собирала рассеянные мысли. Это было почти физическое присутствие, это стояла живая личность, со властью требовавшая.

Молитвы и прошения, оставшиеся без ответа

В рассказе о хананейянке ([Мф.15:22–28](#)) мы видим, как Христос, по крайней мере сначала, отказывается ответить на мольбу; это пример молитвы, подвергнутой чрезвычайно тяжелому испытанию. Женщина просит о чем-то совершенно справедливом, она приходит с полной верой и даже не говорит “если можешь”, она просто приходит, уверенная, что Христос может, что Он захочет и что ее дитя будет исцелено. А ответ на всю эту веру – “нет”. Не то чтобы молитва была недостойной или вера недостаточной, просто просительница – не их тех людей, к которым пришел Христос: Христос пришел для евреев, а она язычница; Он пришел не для нее. Но она настаивает, говоря: “Да, я не из тех, но даже и псы едят крошки, падающие от стола господ их”. И она стоит, веря в любовь Божию, несмотря на то, что говорит Бог, веря с таким смирением, вопреки Его доводам. Она даже не взывает к любви Божией, она только ссылается на ее проявление в обыденной жизни: я не имею права на целый хлеб, дай мне только немного крошек... Ясный и категорический отказ Христа испытал ее веру, и молитва ее была исполнена.

Как часто мы молим Бога, говоря: “Боже, если.., если Тебе угодно.., если Ты можешь..”, подобно тому отцу, который сказал Христу: “Ученики Твои не смогли исцелить моего сына, но если что можешь, сделай” ([Мк.9:18–22](#)). Христос отвечает на это другим “если”: «если сколько-нибудь можешь веровать, все возможно верующему» ([Мк.9:23](#)). Тогда человек говорит: «Верую, Господи! помоги моему неверию» ([Мк.9:24](#)). Одно “если” зависит от другого, потому что, где нет веры, там и для Бога нет возможности войти в конкретную ситуацию.

Тот факт, что человек обращается к Богу, уже как будто говорит о его вере; но это так лишь до известной степени; мы верим и не верим в одно и то же время, и вера является свою меру в преодолении собственных сомнений. Когда мы говорим: “Да, я сомневаюсь, но я верю в любовь Божию больше, чем доверяю собственным сомнениям”, – тогда Бог получает возможность действовать. Но если наша вера живет законом, а не благодатью, если мы веруем, что мир – такой, каким мы его знаем, с его механическими законами, это машина, потому что Бог пожелал, чтобы он был не чем иным, как машиной, то тут нет места Богу. Однако опыт сердца, так же как и современная наука, учит нас, что нет такой вещи, как абсолютный закон, в который люди верили в девятнадцатом веке. Всякий раз, как верой вновь созидается Царствие Божие, открывается возможность

и для действия законов Царствия, и Бог может входить в определенную ситуацию, – входить с Его премудростью, Его умением из зла делать добро, не переворачивая, однако, при этом вверх дном весь мир. Наше “если” относится не столько к силе Божией, сколько к Его любви и Его заботе о нас; Божий ответ “если ты можешь поверить в Мою любовь, все возможно” означает, что чудо не может произойти, если не присутствует Царствие Божие – хотя бы только в зачатке.

Чудо – это не нарушение законов падшего мира, а восстановление законов Царствия Божия; чудо случается, если мы верим, что закон зависит не от силы Божией, а от Его любви. Хотя бы мы и знали, что Бог всемогущ, но пока мы думаем, что Ему до нас дела нет, чудо невозможно; сотворить чудо значило бы тогда для Бога совершить насилие над нашей волей, а этого Бог не делает, потому что в самой основе Его отношения к миру, даже и падшему, лежит абсолютное уважение к человеческой свободе и правам. Момент, когда мы говорим: “Я верю и именно потому обращаюсь к Тебе”, означает: “Я верю, что Ты этого пожелаешь, что есть любовь в Тебе, что Ты действительно печешься о каждом частном случае”. Когда есть это зерно веры, устанавливаются правильные отношения, и тогда становится возможным чудо.

Кроме таких “если”, которые порождаются нашим сомнением в любви Божией и потому неправильны, существует и еще вполне законная категория “если”. Мы можем сказать: “Я прошу об этом, если это согласно с Твоей волей, или если это будет во благо, или если нет во мне, когда я прошу об этом, тайной лукавой мысли”, и т.д. Все эти “если” более чем законны, так как они свидетельствуют о недоверии к себе; и всякая просительная молитва должна сопровождаться такой оговоркой “если”.

Поскольку Церковь есть продолжение Христова присутствия во времени и пространстве, каждая христианская молитва должна быть Христовой молитвой, хотя это предполагает такую чистоту сердца, какой у нас нет. Молитвы Церкви – это Христовы молитвы, в особенности евхаристический канон, который весь – молитва Христова; но любая другая молитва, в которой мы просим о чем-то, связанном с конкретной ситуацией, всегда обусловлена таким “если”. В большинстве случаев мы не знаем, о чем молился бы в данной ситуации Христос; поэтому мы добавляем “если”, которое означает, что, насколько мы можем видеть, насколько мы знаем Божию волю, мы желали бы, чтобы во исполнение Его воли произошло именно это. Но “если” означает также: “Я вкладываю в эти слова свое желание, чтобы произошло самое лучшее, и поэтому Ты можешь изменить это мое прошение так, как Ты хочешь, приняв мое

намерение, мое желание, чтобы совершилась Твоя воля, даже если я и неразумно выражаясь, каким именно образом я хотел бы, чтобы она совершилась” (Рим.8:26). Когда, например, мы молимся о чьем-либо выздоровлении или о возвращении из путешествия в определенный момент по какой-то причине, которая нам кажется существенной, подлинное наше намерение – благо этого человека; но у нас нет на этот счет ясновидения, и наши расчеты и планы могут быть ошибочными. “Если” означает: “Настолько, насколько я могу судить о том, что правильно, пусть будет так; но если я ошибаюсь, то прими не мое слово, а мое намерение”. Старец Оптинский Амвросий обладал такой прозорливостью, которая позволяла ему видеть подлинное благо человека. Однажды монастырский иконописец получил большую сумму денег и собирался ехать домой. Вероятно, он молился о том, чтобы пуститься в дорогу немедленно; но старец сознательно задержал художника на три дня и таким образом спас его жизнь, так как один из работников замыслил убить его и ограбить. Когда он выехал, злодей уже покинул свою засаду, и лишь много лет спустя живописец узнал, от какой опасности спас его старец.

Иногда мы молимся о человеке, которого любим и который в чем-то нуждается, а мы не можем ему помочь. Очень часто мы не знаем, что именно нужно, не находим слов для того, чтобы помочь, даже и самому любимому. Иногда мы знаем, что ничего нельзя сделать, кроме как пребыть в молчании, хотя мы готовы жизнь свою отдать, лишь бы только помочь. В таком состоянии духа мы можем обратиться к Богу, все предать Ему и сказать: “Боже, Ты знаешь все, и любовь Твоя совершенна; возьми же эту жизнь в Твою руку, сделай то, что я жажду сделать, но не могу”. И поскольку молитва – это поручительство, мы не можем истинно молиться за тех, кому мы сами не готовы помочь. Вслед за Исаией мы должны быть готовы услышать слово Господа: «Кого Мне послать? и кто пойдет для Нас?» – и ответить: «Вот я, пошли меня» (Ис.6:8).

Многих смущает мысль о молитве за умерших; они недоумеваются, в чем цель этой молитвы, чего мы надеемся достичь ею. Может ли участь умерших измениться оттого, что за них молятся, может ли молитва убедить Бога быть несправедливым и даровать им то, чего они не заслужили?

Если вы верите, что молитвы за живых помогают им, почему вы не считаете возможным молиться и за умерших? Жизнь едина, ибо, как говорит евангелист Лука, «Бог... не есть Бог мертвых, но живых» (Лк.20:38). Смерть – это не конец, но определенная стадия в человеческой

судьбе, и судьба эта не застывает, как камень, в момент смерти. Любовь, которую выражают наши молитвы, не может быть напрасной; если любовь имеет власть на земле, но не имеет власти после смерти, это трагически противоречит слову Писания о том, что «крепка, как смерть, любовь» (Песн.8:6), и опыту Церкви, который свидетельствует, что любовь сильнее смерти, ибо Христос победил смерть в Своей любви к человеческому роду. Неверно думать, что связь человека с жизнью на земле оканчивается в момент его смерти. В течение своей жизни человек сеет семена. Семена эти прорастают в душах других людей, влияют на их судьбу, и плод, родившийся из этих семян, поистине принадлежит не только тем, кто принес его, но и тем, кто сеял. Написанные или произнесенные слова, изменяющие жизнь человека или судьбы человечества – слова проповедников, философов, поэтов или политических деятелей, – остаются на ответственности тех, кому они принадлежат, ответственности как за дурные, так и за хорошие последствия. Участь этих людей неминуемо зависит от того, какое влияние они оказывают на тех, кто живет после них.

Влияние жизни каждого человека продолжается до Страшного суда, и вечная, окончательная участь человека определяется не только тем кратким временем, которое он прожил на земле, но также и результатами его жизни, ее добрыми или плохими последствиями. Те, кто, как плодородная земля, принял посевное семя, могут оказать влияние на участь ушедших, молитвенно прося Бога благословить человека, преобразившего, изменившего их жизнь, давшего смысл их существованию. Обращаясь к Богу в акте непрекращающейся любви, верности и благодарности, они вступают в то вечное Царство, для которого нет границ времени, и могут влиять на участь и состояние ушедшего. Не несправедливости просим мы у Бога; мы молим Его не просто простить человека, несмотря на все, что он сделал дурного, но благословить его за то благо, что он сделал, о чем свидетельствуют другие жизни.

Наша молитва – это акт благодарности и любви постольку, поскольку наша жизнь есть продолжение чего-то, чем жил тот человек. Мы не просим Бога быть несправедливым и не воображаем, что у нас больше сострадания и любви, чем у Него; мы не просим Его быть более милосердным, чем Он был бы без нашей просьбы, но мыносим на суд Божий новое свидетельство и молим, чтобы это свидетельство было принято и благословение Божие обильно низошло на того, кто так много значил в нашей жизни. И это важно понять: цель такой молитвы – не убедить Бога в чем-то, а принести свидетельство, что человек этот жил не

бесплодно: не любя и не пробуждая любви.

Всякий, кто каким бы то ни было образом был источником любви, имеет защиту перед судом Божиим; но на оставшихся лежит долг принести свидетельство о том, что он для них сделал. И здесь снова дело не просто в доброжелательстве или эмоциях. Святой Исаак Сирин говорит: не своди свою молитву к словам, сделай всю свою жизнь молитвой к Богу. Поэтому если мы хотим молиться за своих усопших, жизнь наша должна подтверждать молитву. Недостаточно время от времени пробуждать в себе определенные чувства к ним и тогда просить Бога сделать что-то для них. Важно, чтобы каждое семя добра, правды, святости, посеянное ими, принесло плод, потому что тогда мы можем встать перед Богом и сказать: он посеял добро, в нем были качества, побуждающие меня поступать праведно, и эта частица добра не моя, а его, и, в каком-то смысле, она – его слава и искупление.

У Православной Церкви очень определенные взгляды на смерть и погребение. Погребальная служба начинается словами «Благословен Бог наш...»; нужно понять, как это много значит, ибо слова эти произносятся вопреки смерти, вопреки тяжелой утрате, вопреки страданию. Служба построена на основе утрени – службы славословия и света; близкие стоят с горящими свечами в руках, символом воскресения. Главная мысль службы в том, что мы действительно стоим перед лицом смерти, но смерть больше нас не пугает, когда мы смотрим на нее через Воскресение Христа.

В то же время служба передает двойственность смерти, две ее стороны. Принять смерть невозможно, она чудовищна; мы созданы для того, чтобы жить; и все же в мире, который грехом человеческим стал чудовищным, смерть – это единственный выход. Если бы наш мир греха был зафиксирован как неизменный и вечный, это был бы ад; смерть – единственное, что позволяет земле, вместе со страданием и грехом, вырваться из этого ада.

Церковь видит обе стороны; святой Иоанн Дамаскин написал об этом с предельным, обнаженным реализмом, потому что христианин не может впадать в романтизм, когда речь идет о смерти. Умереть значит умереть, и в этом смысле, говоря о кресте, мы должны помнить, что это орудие смерти. Смерть есть смерть со всем ее трагическим уродством и чудовищностью, и все же, в конечном счете, смерть – единственное, что дает нам надежду. С одной стороны, мы жаждем жить; с другой стороны, если мы в достаточной мере жаждем жить, мы жаждем умереть, потому что в этом ограниченном мире полнота жизни невозможна. Несомненно, смерть – это тление, но тление, которое в сочетании с благодатью Божией

ведет к такой мере жизни, которой иначе мы никогда не имели бы. «Смерть – приобретение», – говорит апостол Павел (Флп.1:21), ибо, живя в теле, мы разлучены со Христом. Когда исполнится известная мера жизни – независимо от прожитого времени, – мы должны сбросить эту ограниченную жизнь, чтобы войти в жизнь беспредельную.

Православное отпевание подчеркнуто сосредоточено вокруг открытого гроба, потому что Церковь продолжает видеть человека в его целостности, как тело и душу, о которых она одинаково заботится. Тело приготовлено к погребению; тело – это не изношенная одежда, сброшенная для того, чтобы освободилась душа, – как любят говорить благочестивые как будто люди. Тело для христианина – нечто гораздо большее; с душой не может случиться ничего, в чем не приняло бы также участия тело. Восприятие этого мира – и не только его, но и мира божественного, частично происходит через тело. Каждое таинство – дар Божий, сообщаемый душе посредством физических действий; крещальные воды, масло миропомазания, хлеб и вино причащения – все взято из материального мира. Мы не можем сделать ничего хорошего или дурного иначе, как в союзе с телом. Тело существует не только для того, чтобы душа родилась, созрела и затем ушла, покинув его; с первого дня и до последнего тело было соработником души во всем и вместе с душой составляет целостного человека. Оно навсегда остается как бы отмеченным печатью души и общей жизнью, которую они провели вместе. Связанное с душой, тело связано также через таинства с Самим Иисусом Христом. Мы причащаемся Его Крови и Тела, и таким образом тело по собственному праву соединяется с миром божественным, с которым оно соприкасается.

Тело без души – просто труп и не имеет отношения к тому, о чем здесь идет речь, а душа без тела, даже душа святого, идущая “прямо на небеса”, еще не испытывает того блаженства, к которому призван человек в конце времен, когда слава Божия воссияет в душе и теле.

Как говорит святой Исаак Сирин, даже к вечному блаженству нельзя принудить человека без согласия тела. Такое высказывание о важности тела особенно поражает у св. Исаака, одного из величайших подвижников, одного из тех, о ком иные могли бы сказать, что всю свою жизнь он провел, умерщвляя тело. Но, по выражению апостола Павла, подвижники умерщвляли «тело греховное» (Рим.6:6), чтобы из тления пожать вечность, а не убивали тело ради того, чтобы душа освободилась из плена.

Поэтому мертвое тело является предметом попечений Церкви, даже если это тело грешника; и все внимание, которое мы уделяем ему при

жизни, не может сравниться с благоговением, проявляемым в погребальной службе.

Точно так же тело связано с душой и в молитвенной жизни. Каждое извращение, каждое излишество, каждая вульгарность, которым мы сами подвергаем все тело, унижают одного из членов этого содружества так, что наносят ущерб и другому. Это можно выразить иначе: унижения, которым мы подвергаемся извне, можно преодолеть молитвой; унижения, которым мы сами себя подвергаем, разрушают молитву.

Отличительная особенность христианской молитвы в том, что это молитва Христа, приносимая Его Отцу из поколения в поколение, все в новых и новых обстоятельствах, теми, кто по благодати и приобщению является присутствием Христа в этом мире; это продолжающаяся, непрестанная молитва к Богу о том, чтобы свершилась воля Божия, чтобы все происходило согласно Его мудрому и полному любви замыслу. Это означает, что наша молитвенная жизнь есть в то же время борьба против всего, что не Христово. Мы подготавливаем почву для своей молитвы всякий раз, как сбрасываем с себя что-то, что не Христово, что недостойно Еgo; и только молитва того, кто, как апостол Павел, может сказать: «Уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал.2:20), есть подлинная христианская молитва.

Однако вместо того, чтобы молиться об исполнении воли Божией, мы часто пытаемся убедить Бога устроить все так, как нам хочется. Может ли такая молитва не быть посрамленной? Как бы хорошо мы ни молились, мы в каждую минуту должны сознавать, что можем ошибаться в самых лучших своих чувствах и мыслях. Как бы искренни, как бы правдивы ни были наши намерения, какими бы совершенными они нам ни казались, каждая молитва может в какой-то момент пойти по неправильному пути, и потому, когда мы сказали Богу все, что собирались, надо добавить, как Христос в саду Гефсиманском: «Впрочем не как Я хочу, но как Ты» (Мф.26:39). С такой же настроенностью мы можем прибегать и к представительству святых: мыносим им свои благие намерения, но предоставляем им самим сформулировать наши желания в соответствии с волей Божией, которая им ведома.

«Просите, и дано будет вам» (Мф.7:7). Слова эти – камень преткновения для христианского сознания; мы не можем ни принять их, ни отвергнуть. Отвергнуть их значило бы отказаться от бесконечной Божией доброты, но мы еще не в достаточной мере христиане для того, чтобы их принять. Мы знаем, что отец не подаст камня вместо хлеба (Мф.7:9), но на самих себя не смотрим как на детей, которые не сознают

своих подлинных нужд и не знают, что для них хорошо, а что плохо. Между тем именно в этом заключается объяснение, почему столько молитв остается без ответа. Его можно найти также в словах святого Иоанна Златоустого: “Не огорчайся, если не получаешь сразу того, о чем просишь: Бог хочет даровать тебе большее благо через твое постоянство в молитве”.

“Может быть, молчание Бога – это всего лишь трагический аспект нашей собственной глухоты?”⁵

«Истинно также говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного» (Мф.18:19). Это утверждение иногда используют как камень, которым бросают в христиан, потому что очень часто несколько человек усердно молятся вместе о чем-то и все же не получают просимого. Но возражения рушатся, как только мы поймем, что это “вместе” было чисто земным, согласие – простой коалицией, а не единством, и вера в то, что Бог может сделать все, что захочет, понималась так, как понимали это друзья, утешавшие Иова.

Кажущаяся неправда слов «все, чего ни попросите в молитве с верою, получите» (Мф.21:22) находит ответ в гефсиманской молитве Христа, а также от части у апостола Павла (Евр.11:36–40): «Другие испытали поругания и побои, а также узы и темницу, были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли. И все сии, свидетельствованные в вере, не получили обещанного, потому что Бог предусмотрел о нас нечто лучшее, дабы они не без нас достигли совершенства».

Без сомнения, во всех этих обстоятельствах эти люди очень много молились, – молились, быть может, не об избавлении, ибо они готовы были жизнь свою положить за Бога, но о помощи; и все же им не было дано всего, чего они могли ожидать. Когда Бог видит, что у нас достаточно веры, чтобы выдержать Его молчание или чтобы принять муки – нравственные или физические – для большей полноты свершения Его Царствия, Он может молчать, и ответ на молитву будет дан лишь в конце концов, но совершенно иначе, чем мы этого ожидали.

Апостол Павел говорит (Евр.5:7), что молитва Христа в Гефсиманском саду была услышана и Бог воздвиг Его из мертвых. Он говорит здесь не о непосредственном ответе Бога, Который мог бы пронести чашу мимо, о чем и молил Христос, но о том, что Бог дал Христу

силу принять Его волю, пострадать, совершить дело Свое, и именно абсолютность Его веры дала возможность Богу сказать “нет”. Но эта же абсолютность веры Христа сделала возможным, что мир был спасен.

Многие из наших молитв – молитвы просительные, и люди склонны думать, что прошение – это низшая степень молитвы; затем следует благодарение, затем славословие. На самом же деле как раз благодарность и хвала – выражение менее глубоких взаимоотношений. На нашем уровне полуверы легче возносить славословия или благодарить Бога, чем доверять Ему настолько, чтобы просить Его о чем-то с верой. Даже люди полуверующие могут обратиться к Богу с благодарностью, когда случится что-то для них приятное; и бывают такие минуты приподнятости, когда каждый способен петь Богу. Но гораздо труднее иметь такую нераздельную веру, чтобы просить Бога всем сердцем и всем помышлением с полным доверием. Не надо смотреть пренебрежительно на просительные молитвы, потому что способность приносить их – это испытание реальности нашей веры.

Когда мать сыновей Зеведеевых пришла просить Христа два лучших места в раю для своих сыновей, она пришла с полной верой, что Господь может дать то, о чем она просит; но она думала, что Христос властен исполнить ее просьбу просто по праву хозяина поступать, как Он захочет, а это не соответствовало Его учению: «Суд Мой праведен; ибо не ищу Моей воли, но воли пославшего Меня Отца» (Ин.5:30). Мать сыновей Зеведеевых ожидала, что Господь по Своему произволу исполнит ее желание, окажет ей особую милость потому, что она первая пришла просить об этом. Отказ Христа подчеркнул, что то, о чем мать просила, было бы положением, обусловленным гордостью, тогда как все Царство основано на смирении. Молитва матери определялась ветхозаветным отношением к пришествию Мессии.

Иисусова молитва

Те, кто читал “Откровенные рассказы странника”, знакомы с выражением “Иисусова молитва”. Так называется краткая молитва: «Господи, Иисусе Христе, Сын Божий, помилуй мя, грешного», повторяемая непрестанно. “Рассказы странника” – это повествование о человеке, который хотел научиться молиться непрестанно (1Сол.5:17). Но поскольку человек, чей опыт передан в этой книге, был странником, многие его психологические особенности, а также тот способ, каким он научился молитве и как употреблял ее, обусловлены именно его образом жизни, и это делает книгу менее общезначимой, чем она могла бы быть; и все же она – наилучшее введение к этой молитве, которая представляет собой одно из величайших сокровищ Православной Церкви.

Эта молитва глубоко коренится в духе Евангелия, и не напрасно великие учителя Православия всегда подчеркивали, что молитва Иисусова заключает в себе всю суть Евангелия. Вот почему молитвой Иисусовой во всей ее полноте может молиться только тот, кто принадлежит Евангелию, кто действительно член Церкви Христовой.

Все Евангельское благовестие, и более того – вся реальность Евангелия заключается в имени, в личности Иисуса. Если вы возьмете первую часть молитвы, вы увидите, как она выражает нашу веру в Господа: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий». В самом сердце молитвы мы находим имя Иисусово; это имя, перед Которым «преклонится всякое колено» (Ис.45:23), и когда мы произносим его, мы утверждаем историческое событие Воплощения. Мы утверждаем, что Бог, Слово Божие, собезначальное Отцу, стало человеком и что в Его личности полнота Божества обитала среди нас телесно (Кол.2:9).

Для того, чтобы в галилеянине, в пророке израильском увидеть воплотившееся Слово Божие, Бога, ставшего человеком, мы должны быть водимы Духом, ибо и Воплощение Христа и то, что Он есть Господь, открывается нам только Духом Божиим. Мы называем Его Христом и тем самым утверждаем, что в Нем исполнились ветхозаветные пророчества. Говоря, что Иисус есть Христос, мы признаем, что вся история Ветхого Завета – наша, что мы принимаем ее как истину Божию. Мы называем Его Сыном Божиим, ибо знаем, что Мессия, Которого ждали иудеи, человек, которого Вартиней называл Сыном Давидовым, есть воплотившийся Сын Божий. В этих словах заключено вкратце все, что мы знаем, все, во что мы верим об Иисусе Христе на основании Ветхого и Нового Завета и

многовекового опыта Церкви. В этих нескольких словах мы произносим полное и совершенное исповедание нашей веры.

Но недостаточно исповедовать так свою веру, недостаточно верить. Бесы также веруют и трепещут (Иак.2:19). Веры недостаточно, чтобы осуществилось спасение, она должна привести к правильному отношению с Богом; итак, исповедав во всей полноте, точно и ясно, нашу веру во Христа как Господа и как личность, веру в Его историчность и Божественность, мы ставим себя перед Ним лицом к лицу в правильном сознании: «Помилуй меня, грешного!»

Это слово – «помилуй» – употребляется во всех христианских Церквях, а в Православии это ответ народа на прошения, произносимые священником. Греческое слово, которое мы находим в Евангелии и ранних литургиях – (elehson) “элеисон”, того же корня, что (elaion) “элеон”, обозначающее оливково дерево и его масло. Если мы просмотрим весь Ветхий и Новый Завет, отыскивая все места, связанные с этим основным понятием, мы встретим его в целом ряде разнообразных притчей и событий, позволяющих полностью понять значение слова. Образ оливкового дерева мы находим в книге Бытия. После потопа Ной послал птиц, чтобы выяснить, есть ли суша, и одна из них, голубь – и не случайно именно голубь – вернулась с маленькой оливковой веточкой. Эта веточка была для Ноя и всех находившихся с ним в ковчеге вестью, что гнев Божий престал и что Бог дает человеку возможность начать все заново. Все, кто находится в ковчеге, могут снова поселиться на твердой земле, попытаться жить по-новому и никогда больше, если только сумеют, не подвергаться гневу Божию.

В новозаветной притче о милосердном самарянине оливковое масло возливается для того, чтобы облегчить боль и исцелить раны. В помазании царей и священников в Ветхом Завете опять же на голову их возливается масло в знак благодати Божией, которая нисходит и изливается на них (Пс.132:2), давая им новую силу совершать то, что вне человеческих способностей. Царь должен стоять на пороге между волей людей и волей Божией, он призван вести свой народ к исполнению Божией воли; священник также стоит на этом пороге, чтобы провозглашать волю Божию и даже больше: чтобы действовать за Бога, возвещать повеления Божии и осуществлять Божии решения.

Масло говорит прежде всего о прекращении гнева Божия, о мире, который Бог предлагает людям, согрешившим против Него; оно говорит, далее, об исцелении нас Богом для того, чтобы мы могли жить и стать тем, чем призваны быть; и так как Он знает, что мы не способны своей

собственной силой исполнить ни Его волю, ни законы нашей тварной природы, Он обильно изливает на нас Свою благодать (Рим.5:20). Он дает нам силу на то, чего иначе мы не могли бы делать.

Слова “милость” и “помилуй” по-славянски – того же корня, что и слова, выражающие нежность, умиление; и когда мы произносим эти слова – elehson, have mercy on us, «помилуй», мы просим Бога не только избавить нас от Его гнева, – мы просим о любви.

Если мы вернемся к словам Иисусовой молитвы – «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного», то увидим, что первые слова точно и полно выражают евангельскую веру во Христа, историческое воплощение Слова Божия; а конец молитвы выражает все многогранное богатство взаимоотношений любви, существующих между Богом и Его тварью.

Молитва Иисусова известна множеству православных как молитвенное правило или как добавление к нему, как одна из форм поклонения, возможность мгновенной молитвенной сосредоточенности, доступная в любую минуту, при любых обстоятельствах.

Многие писали о физических аспектах молитвы, дыхательных упражнениях, внимании к биению сердца и целом ряде других, менее значительных черт. Добротолюбие полно подробных указаний о сердечной молитве, даже со ссылками на технические приемы, разработанные суфизмом. Древние и современные Отцы занимались этой темой и всегда приходили к одному выводу: никогда нельзя браться за физические упражнения без неукоснительного руководства со стороны духовного отца.

Но что доступно всем, что даровано Богом – это сама молитва, повторение слов без какого-либо физического усилия, даже без движений языка, молитва, которой должно пользоваться систематически для того, чтобы достичь внутреннего преображения. Больше, чем какая-либо другая молитва, Иисусова молитва направлена к тому, чтобы поставить нас в Божие присутствие без всякой мысли, кроме сознания того чуда, что мы здесь и Бог с нами, потому что, когда мы молимся Иисусовой молитвой, то нет ничего и никого, кроме Бога и нас.

Молитва Иисусова употребляется двояко: это такой же акт богочтения, как и всякая другая молитва, а на уровне аскетическом это фокус, собирающий внимание воедино и позволяющий хранить его в присутствии Божием.

Эта молитва – очень добрый спутник, дружелюбный, всегда близкий и вполне личный, несмотря на кажущуюся однообразность при ее

повторении. В радости или горе она, когда станет привычной, является силой, оживотворяющей душу, всегда готовым откликом на любой Божий призыв. Слова святого Симеона Нового Богослова применимы ко всему ее действию на нас: “Остальное же, что бывает при этом, узнаешь после”.

Трудническая молитва

Когда мы правильно настроены, когда сердце полно благоговения, когда «уста говорят от избытка сердца» (Лк.6:45), тогда молитва не составляет проблемы, мы свободно говорим Богу слова, которые нам ближе всего. Но если бы мы оставили свою молитвенную жизнь на произвол своих настроений, то, вероятно, время от времени молились бы горячо и искренне, но на долгие периоды теряли бы всякий молитвенный контакт с Богом. Большое искушение – отложить молитву до того момента, когда в нас пробудится живое чувство к Богу, и считать неискренней всякую молитву и всякое обращение к Богу в другое время. Все мы по опыту знаем, что в нас живет множество чувств, которые не проявляют себя во всякую минуту нашей жизни; болезнь или горе заслоняют их от нашего сознания. Даже когда мы глубоко любим, бывают периоды, когда мы не ощущаем этого и все же знаем, что любовь живет в нас. То же самое бывает и с нашим отношением к Богу; по разным причинам, внутренним или внешним, нам временами бывает трудно сознавать, что мы верим, надеемся, что мы действительно любим Бога. В такие моменты мы должны поступать, руководствуясь не чувством, а знанием. Мы должны верить в то, что есть в нас, даже если и не видим в себе этого в данный момент. Мы должны помнить, что любовь жива, хотя она и не наполняет наше сердце радостью или вдохновением. И мы должны стоять перед Богом, помня, что Он всегда любит, всегда присутствует, несмотря на то, что мы сейчас этого и не чувствуем.

Когда мы холодны и сухи, когда нам кажется, что молитва наш неискрення и мы выполняем ее только по заведенному порядку – как нам поступить? Не лучше ли перестать молиться, пока молитва снова не оживет? Но как мы узнаем, что время настало? Большая опасность – соблазниться желанием совершенства в молитве, когда мы еще так далеки от него. Когда молитва суха, мы должны вместо того, чтобы отступать, совершить акт большей веры и продолжать. Мы должны сказать Богу: “Я выдохся, я не могу молиться по-настоящему; прими, Господи, этот унылый голос и слова молитвы и помоги мне”. Принесем в своей молитве количество, если мы не в состоянии принести качество. Конечно, лучше произнести только два слова “Отче наш...” со всей глубиной их понимания, чем повторить Молитву Господню двенадцать раз; но именно к этому мы иываем иногда неспособны. “Количественная” молитва не означает, что надо произносить больше слов, чем обычно; это означает –

сохранять свое обычное молитвенное правило, приняв тот факт, что это всего лишь известное количество повторяемых слов и ничего больше. Как говорят Отцы, Святой Дух присутствует всегда там, где есть молитва, и, по апостолу Павлу, «никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым» (1Кор.12:3). Когда придет время, Святой Дух наполнит молитву верную и терпеливую смыслом и глубиной новой жизни. Когда мы стоим перед Богом в такие моменты уныния или оставленности, надо употребить усилие воли, надо молиться по убеждению, если не из чувства; молиться верой – о которой мы знаем, что она у нас есть, разумом, если не пламенным сердцем.

В такие моменты молитва звучит совершенно иначе, но для нас, а не для Бога; как говорит Юлиания Норичская, “молись внутренне, хотя ты и думаешь, что это не приносит тебе утешения, ибо это полезно, хотя ты ничего не чувствуешь, хотя ты ничего не видишь, и даже думаешь, что не можешь молиться. Ибо в сухости и скучности, в болезни и немощи молитва твоя весьма приятна Мне, даже если ты думаешь, что она не приносит тебе утешения, – и такова в очах Моих всякая твоя молитва, совершаемая с верою” (“Облако непознаваемого”).

В такие периоды сухости, когда молитва становится усилием, главная наша опора – верность и решимость; актом воли, в котором соединяется и то и другое, не обращая внимания на свои чувства, мы вынуждаем себя встать перед Богом и говорить с Ним, просто потому, что Он – наш Бог, а мы – Его создание. Что бы мы ни чувствовали в тот или иной момент, наше положение от этого не меняется: Бог остается нашим Создателем, нашим Искупителем, нашим Господом; Он – Тот, к Кому мы идем, Кого жаждем, и единственный, Кто может дать нам полноту.

Иногда мы думаем, что недостойны молиться и не имеем даже права молиться; это, опять-таки, искушение. Каждая капля воды, откуда бы она ни была, – из лужи или из океана – очищается в процессе испарения; так и каждая молитва, восходящая к Богу. Чем более мы себя чувствуем оставленными, тем необходимее молиться; именно это, вероятно, испытал однажды отец Иоанн Кронштадтский, когда он молился, а дьявол смотрел на него и бормотал: “Лицемер, как ты смеешь молиться с твоим гнусным умом, полным мыслей, которые я в нем вижу?” – и ответил: “Именно потому, что мой ум полон мыслей, которые мне противны и с которыми я борюсь, я и молюсь Богу”.

Будь то молитва Иисусова или любая другая употребляемая Церковью молитва, люди часто говорят: какое я имею право ею пользоваться? Могу ли я произносить эти слова как свои собственные? Когда мы пользуемся

молитвами, которые написаны святыми, подвижниками молитвы, и являются плодом их опыта, можно быть уверенными, что если мы достаточно внимательны, то слова молитвы станут нашими собственными, мы вживемся в чувство, породившее их, и они преобразят нас благодатью Бога, отзывающегося на наши усилия. С молитвой Иисусовой дело, в каком-то смысле, проще, ибо чем хуже наше состояние, тем легче нам понять, что, став перед Богом, мы можем сказать только одно: «помилуй!».

Чаще, чем мы, может быть, сами себе в этом признаемся, мы молимся в надежде на таинственное озарение, в надежде, что с нами что-то случится, в надежде испытать какое-то захватывающее переживание. Это ошибка, такая же ошибка, какую мы совершаем иногда в наших отношениях с людьми и которая практически может полностью разрушить эти отношения: мы приближаемся к человеку и заранее ожидаем ответа определенного рода; когда же ответа нет или ответ не тот, какого мы ожидали, мы разочаровываемся или отталкиваем этот ответ. Точно так же, когда мы молимся, мы должны помнить, что Господь Бог, допускающий нас свободно в Свое присутствие, и Сам свободен по отношению к нам; это не значит, что проявляемая Им свобода носит характер произвола, подобно тому, как мы бываем то любезны, то грубы, в зависимости от настроения; но это значит, что Он не обязан открывать Себя нам только потому, что мы пришли и глядим в Его сторону. Очень важно помнить, что и Бог и мы свободны прийти или уйти; и свобода эта имеет огромнейшее значение, потому что она является признаком подлинных взаимоотношений.

Она молодая безнадежно больная женщина после длительного периода молитвенной жизни, когда Бог был бесконечно близким и ощущимым, внезапно утратила всякое соприкосновение с Ним. Но сильнее, чем скорбь об утрате Бога, был в ней страх перед искущением спастись от этого отсутствия Божия, построив себе ложное Его присутствие, ибо подлинное отсутствие Божие и подлинное Его присутствие – в одинаковой мере доказательства Его реальности и конкретности взаимоотношений с Ним, которые предполагаются при молитве.

Так мы должны быть готовы приносить свою молитву и принимать все, что бы ни дал Бог. Это основной принцип подвижнической жизни. В борьбе за то, чтобы держать себя обращенными к Богу, в борьбе против всего, что в нас есть непрозрачного, что мешает нам смотреть в сторону Бога, мы не можем быть ни полностью активными, ни пассивными. Мы не можем быть активными в том смысле, что сколько бы мы ни сутились,

своими усилиями мы не можем ни взобраться на небо, ни свести Бога с небес. Но мы не можем быть и просто пассивными и сидеть сложа руки; подлинных отношений не существовало бы, если бы мы просто пассивно подвергались Его воздействию. Аскетическое поведение состоит в бдительности, – бдительности воина, который стоит в夜里 так тихо, как только способен, с таким вниманием и так чутко, как только возможно, для того, чтобы правильно и быстро реагировать на все, что бы ни случилось. В каком-то смысле он бездействует, потому что стоит и ничего не делает; с другой стороны, он напряженно активен, потому что он настороже и совершенно собран. Он чутко прислушивается и всматривается, готовый ко всему.

Это точное подобие внутренней жизни. Мы должны стоять в присутствии Божиим в полном безмолвии и собранности, в чутком внимании, не шелохнувшись. Мы можем ждать часами или еще дольше, но наступит момент, когда наше неустанное внимание будет вознаграждено и нечто произойдет. Но, опять-таки, если мы насторожены и бдительны, то готовы ко всему, что может нам встретиться, не ожидая чего-то одного, определенного. Мы должны быть готовы принять от Бога все, что Он даст нам опытно познать. Если мы молились сколько-то времени и ощутили некоторую теплоту, то, придя к Богу на следующий день, мы очень легко поддаемся искушению ожидать того же самого. Если мы когда-то молились Богу тепло или со слезами, с сокрушением сердца или в радости, то, приходя снова к Богу, мы ожидаем испытать то же самое и очень часто упускаем новый контакт с Богом только потому, что стремимся снова пережить уже изведенное.

Божие приближение к нам может выразиться очень разнообразно: это может быть радость, это может быть трепет, это может быть сердечное сокрушение или что-либо иное. Мы должны помнить: то, что мы встретим сегодня, будет неизвестное нам, ибо Бог, каким мы знали Его вчера, не таков, каким Он может открыть нам Себя завтра.

Безмолвная молитва

Молитва – это прежде всего встреча с Богом. Иногда мы ощущаем Божие присутствие, чаще всего смутно; но бывают периоды, когда мы можем поставить себя перед Богом только актом веры, совершенно не чувствуя Его присутствия. Дело не в степени нашего восприятия, не оно делает эту встречу возможной и плодотворной: должны быть выполнены другие условия, и основное из них – чтобы молящийся человек был реальным. Живя в обществе, мы даем проявляться самым различным граням нашей личности. Каждый из нас является одним человеком при одних обстоятельствах и совершенно иным при других: властным в условиях, где он – начальник, совершенно покорным дома, и опять-таки совсем иным среди друзей. Каждое “я” многосложно, но ни одно из этих ложных лиц, или тех, которые частью ложны, а частью подлинны, не является нашим истинным “я” в достаточной мере для того, чтобы стоять от нашего имени в присутствии Божием. Это ослабляет нашу молитву, создает разделенность ума, сердца и воли. Как говорит Полоний в “Гамлете”: “Верен будь себе; тогда, как утро следует за ночью, последует за этим верность всем”.

Нелегко бывает найти среди этих разнообразных личин и вне их свое подлинное “я”. Мы так не привыкли быть самими собой в сколько-нибудь глубоком и подлинном смысле, что нам кажется почти невозможным понять, откуда начать поиски. Однако все мы знаем, что бывают моменты, когда мы более, чем обычно, приближаемся к своему подлинному “я”; эти моменты следует замечать и тщательно анализировать, чтобы хоть приблизительно раскрыть, что же мы представляем собой в действительности. Обнаружить правду о самих себе нам обычно так трудно из-за нашего тщеславия, – и тщеславия самого по себе, и того, как оно определяет наше поведение. Тщеславие состоит в том, чтобы превозноситься чем-то, не имеющим никакой ценности, и зависеть в своем суждении о себе, а следовательно, и во всем своем отношении к жизни, от мнения людей, которое не должно бы иметь для нас такого веса. Тщеславие – это состояние зависимости от реакции людей на нашу личность.

Тщеславие – первый враг, с которым следует бороться, хотя, как говорят Отцы, он же и последний, который бывает побежден. Пример побежденного тщеславия мы находим в рассказе о Закхее (Лк.19:1–10), и он может многому научить нас. Закхей был богатым человеком,

занимавшим высокое социальное положение; он был чиновником Римской империи, сборщиком податей, и должен был бы держать себя соответственно своему положению. Он был знатным гражданином в своем городке; взгляд на вещи, который можно выразить словами “что скажут люди?”, мог удержать его от встречи со Христом. Но когда Закхей услышал, что Христос проходит через Иерихон, ему неудержимо захотелось Его увидеть, и он забыл, что может показаться смешным – а это для нас хуже очень многих зол; и этот почтенный гражданин побежал и взобрался на дерево! Его могла видеть вся толпа, и, без сомнения, многие смеялись. Но так сильно было его желание увидеть Иисуса, что он забыл подумать, что скажут другие; на короткое время он перестал зависеть от чужого мнения и в этот момент был полностью самим собой; это был Закхей-человек, а не Закхей-мытарь или Закхей-богач или Закхей-гражданин.

Унижение – один из путей, которым мы можем отучиться от тщеславия, но если унижение не принимается добровольно, оно может только усилить чувство обиды и сделать нас даже еще более зависимыми от мнения других людей. Высказывания о тщеславии у Иоанна Лествичника и Исаака Сирина как будто противоречат друг другу: один говорит, что тщеславия можно избежать только через гордость; другой – что путь лежит через смиление. Оба говорят это в определенном контексте, а не как абсолютную истину; но эти суждения позволяют нам увидеть, что есть общего в обеих крайностях, а именно: становимся ли мы гордыми или смиренными, мы не обращаем больше внимания на человеческое мнение, в обоих случаях мы его просто не замечаем. В жизни аввы Дорофея есть пример, иллюстрирующий первое положение.

Приближаясь к монастырю, о котором он имел попечение, авва Дорофей увидел нескольких братьев, насмехавшихся над очень молодым монахом, который совершенно не обращал на них внимание, и поразился невозмутимостью юноши. У Дорофея был большой опыт трудностей духовной борьбы, и это показалось ему несколько подозрительным. Он спросил монаха, как тот сумел в столь юном возрасте достигнуть такого бесстрастия. Ответ был: “Зачем я стану обращать внимание на лающих псов? Я не замечаю их, судьей себе я признаю одного Бога”. Это пример того, как гордость может сделать нас независимыми от мнения других людей. Гордость – это положение, когда мы ставим себя в центр всего, делаем себя критерием истины, добра и зла, подлинной ценности вещей, и тогда мы свободны от чужих суждений, а также свободны от тщеславия. Но лишь абсолютная гордость может истребить тщеславие полностью, а

абсолютная гордость, к счастью, вне наших человеческих возможностей.

Другой путь – смирение. В основе своей смирение – это положение того, кто всегда стоит перед судом Божиим. Это положение того, кто – как прах земной. Латинское слово *humilitas* – смиление – происходит от *humus* – плодородная земля. Плодородная земля лежит, никем не замечаемая, как что-то, само собой разумеющееся; она у всех под ногами, все могут попирать ее; она молчалива, неприметна, темна и, однако же, всегда готова принять семя, дать ему плоть и жизнь. Чем ниже – тем плодороднее, потому что почва становится действительно плодородной, когда принимает все, что отвергает земля. Она лежит так низко, что ничто уже не может загрязнить, унизить, уничтожить ее; она приняла последнее место, ниже идти некуда. В таком положении ничто не может нарушить душевной ясности, мира и радости.

Бывают моменты, которые вырывают нас из состояния зависимости от реакции на нас других людей; это моменты глубокого горя или также подлинной, всепоглощающей радости. Когда царь Давид плясал перед ковчегом Завета (2Цар.6:14), многие, как дочь Саула Мелхола, думали, что царь ведет себя очень непристойно. Они, вероятно, улыбались или в замешательстве отворачивались. Но он был слишком переполнен радостью, чтобы замечать это. То же происходит и в горе: когда оно подлинно и глубоко, человек становится подлинным; позирование, сознательное и несознательное, забывается, и именно это так драгоценно в горе – и в нашем собственном и в чужом.

Трудность в том, что когда мы подлинны, потому что находимся в радости или в горе, мы не склонны и не способны наблюдать за собой, замечать те черты своей личности, которые проявляются в это время. Но есть момент, когда мы еще проникнуты достаточно глубоким чувством для того, чтобы быть подлинными, но уже настолько вышли из состояния экстаза радости или горя, чтобы поразиться контрасту между тем, что мы представляем собой в этот момент, и тем, чем являемся обычно; тогда мы ясно видим свою глубину и свою поверхность. Если мы внимательны, если мы не переходим бездумно из одного состояния ума и сердца в другое, забывая все по мере того, как оно проходит, мы можем постепенно научиться сохранять те характерные черты нашего подлинного “я”, которые выступили на мгновение.

Многие духовные писатели говорят, что мы должны стараться найти Христа в себе. Христос – совершенный, всецело подлинный человек, и мы можем начать обнаруживать, что в нас есть подлинного, раскрывая, что в нас есть сродного Ему. Есть в Евангелии места, против которых мы

восстаем, и другие, от которых сердце наше горит в нас ([Лк.24:32](#)). Если мы отметим те места, которые вызывают в нас возмущение, и те, которые мы всем сердцем принимаем как истинные, мы уже обнаружим в самих себе две крайности; коротко говоря – антихриста и Христа в себе. Мы должны принять во внимание обе категории и сосредоточиться на тех местах, которые близки нашему сердцу, потому что мы можем быть уверены, что хотя бы в этой одной точке мы сродни Христу, что эта точка, в которой человек уже – не во всей полноте, разумеется, но хотя бы в зчатке – подлинный человек, образ Христа. Недостаточно, однако, чтобы то или иное место Евангелия взволновало нас эмоционально или вызвало полное согласие нашего ума, – мы должны воплотить в себе слова Христовы. Нас может что-то затронуть и, тем не менее, мы можем отступиться от всего, что думали и чувствовали, при первом же случае, который представится нам для практического применения открытой нами истины.

Бывают моменты, когда мы расположены мириться со своими врагами; но если человек отказывается идти нам навстречу, наше миротворческое настроение быстро сменяется воинственным. Так случилось с Миусовым в “Братьях Карамазовых” Достоевского. Он только что был груб и нетерпим с окружающими, затем восстановил в себе чувство собственного достоинства, начав все заново, но неожиданная наглость Федора Павловича снова изменила его чувства, и “Петр Александрович из самого благодушного настроения перешел немедленно в самое свирепое. Все, что угасло было в его сердце и затаихло, разом воскресло и поднялось”.

Недостаточно поразиться местами, которые кажутся нам столь верными; должна последовать борьба за то, чтобы в каждое мгновение нашей жизни быть тем, чем мы бываем в лучшие моменты, и тогда мы постепенно сбросим с себя все поверхностное и станем более реальными и более истинными; как Христос есть сама истина и сама реальность, так и мы будем все больше и больше становиться тем, что есть Христос. Дело не во внешнем подражании Христу, но в том, чтобы внутренне быть тем, что Он есть. Подражание Христу – это не внешнее копирование Его поведения или Его жизни; это трудная и сложная борьба.

В этом различие между Ветхим и Новым Заветом. Заповеди Ветхого Завета были правилами жизни, и кто точно соблюдал эти правила, тот становился праведным; однако он не мог извлечь из них вечной жизни. Заповеди же Нового Завета, напротив, никогда не делают человека праведным. Христос сказал однажды Своим ученикам: «Когда исполните

все повеленное вам, говорите: мы рабы, ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать» ([Лк. 17:10](#)). Но когда мы выполняем заповеди Христовы не просто как правила поведения, а потому что воля Божия пропитала наше сердце, или даже, когда мы просто принуждаем свою злую волю выполнять их внешним образом и стоим в покаянии, зная, что нет в нас ничего, кроме этого внешнего принуждения, мы постепенно вырастаем в познании Бога – внутреннее, а не интеллектуальное, не рационалистическое или академическое.

Человек, ставший реальным и истинным, может стоять перед Богом и приносить молитву с абсолютным вниманием, в единстве ума, сердца и воли, когда тело находится в полном согласии с движениями души. Но пока мы не достигли такого совершенства, мы все же можем стоять в присутствии Божием, сознавая, что мы частью реальны, а частью нереальны, и приносить Ему все, что можем, но в покаянии – исповедуя, что все еще так нереальны и так не способны к целостности. Ни в какие моменты нашей жизни, – ни тогда, когда мы еще совсем далеки от внутреннего единства, ни тогда, когда мы уже на пути к нему, мы не лишены возможности стоять перед Богом. Но вместо того, чтобы стоять в полном единстве, дающем нашей молитве импульс и силу, мы можем стоять в своей слабости, признавая ее и будучи готовы нести ее последствия.

Один из Оптинских старцев, Амвросий, сказал однажды, что есть две категории людей, которые спасутся: те, которые грешат и достаточно сильны, чтобы покаяться, и те, кто слишком слаб даже для того, чтобы истинно каяться, но готов терпеливо, смиленно и с благодарностью нести всю тяжесть последствий своих грехов; в своем смирении они угодны Богу.

Бог всегда истинен, всегда – Он Сам, и если бы мы могли стоять перед Ним таким, каков Он есть, лицом к лицу, и воспринимать Его объективную реальность, все было бы проще; но мы ухитряемся субъективно затуманивать эту истину, эту реальность, перед которой стоим, и заменять подлинного Бога бледным Его изображением, хуже того – Богом, Который нереален из-за нашего одностороннего и убогого представления о Нем.

Когда нам предстоит с кем-нибудь встретиться, подлинность встречи зависит не только от того, чем являемся мы и чем является другой, но во многом и от предвзятого представления, которое мы создали себе о другом человеке. В таком случае мы говорим не с реальным лицом, а с тем представлением о нем, которое сами себе создали, и жертве этой

предвзятости обычно приходится употребить большие усилия, чтобы пробиться через это представление и установить подлинные отношения.

У каждого из нас есть сложившееся представление о Боге; как бы возвыщенно, прекрасно и даже истинно ни было это представление в своих составных частях, если мы не будем осторожны, оно встанет между нами и подлинным Богом и может превратиться просто в идола, перед которым мы будем молиться и который заслонит от нас подлинного Бога. Так, в частности, случается, когда мы обращаемся к Богу с какой-либо просьбой или с молитвой о ком-то; тогда мы приходим к Богу не как к тому, с кем хотим поделиться своими трудностями, в чью любовь верим и от кого ожидаем решения; но мы приходим, желая видеть Бога в определенном аспекте, и направляем свои молитвы не к Богу, а к тому понятию о Боге, которое в данный момент нас устраивает.

Мы должны приходить к Богу не для того, чтобы испытать те или иные эмоции или пережить мистический опыт. Мы должны приходить к Богу, просто чтобы находиться в Его присутствии, и если Он захочет сделать Свое присутствие ощутимым для нас – благословен Бог, но если Он захочет, чтобы мы испытали Его подлинное отсутствие – и тогда благословен Бог, потому что, как мы видели, Он свободен приблизиться или не приблизиться к нам. Он так же свободен, как и мы. Если мы не приходим в присутствие Божие, это значит, что заняты чем-то, что привлекает нас больше, чем Он; если же Он не делает явным Своего присутствия, то для того, чтобы мы узнали что-то новое о Нем или о себе самих. Но и отсутствие Божие, которое мы можем испытывать в своих молитвах, чувство, что Еgo здесь нет, также есть один из аспектов взаимоотношений с Ним, и аспект очень ценный.

Чувство отсутствия Божия мы можем испытать по Его воле; Он может пожелать, чтобы мы тосковали по Нему и узнали, как дорого Его присутствие, давая нам познать на опыте, что такое предельное одиночество. Но часто наш опыт отсутствия Божия является результатом того, что мы сами не даем себе возможности ощутить Его присутствие. Одна женщина, четырнадцать лет занимавшаяся Иисусовой молитвой, жаловалась, что у нее никогда не было чувства, что Бог здесь. Но когда ей указали на то, что в своей молитве она сама говорит, не умолкая, она согласилась несколько дней стоять перед Богом молча. И когда она так сделала, то почувствовала, что Бог здесь, что тишина, ее окружавшая, была не пустотой, не отсутствием шума или движения, но что это безмолвие было насыщенным; это было нечто не отрицательное, а положительное; это было присутствие, – присутствие Бога, Который ей дал Себя узнать,

создав такую же тишину и в ней. И тогда она обнаружила, что молитва возобновилась в ней сама собой, но это уже не был тот словесный шум, который препятствовал Богу открыть Себя.

Если бы мы были смиренны или хотя бы разумны, то не ждали бы, что раз мы решили молиться, то сразу же познаем опыт святого Хуана де ла Крус, святой Терезы или преподобного Серафима Саровского. Впрочем, мы не всегда жаждем пережить то, что испытывали святые; часто нам просто хочется снова пережить то, что мы сами испытали ранее; но если мы сосредоточимся на прежнем опыте, он может закрыть от нас тот новый опыт, который должен был бы последовать естественным образом. Что бы мы ни пережили, оно принадлежит прошлому и связано с тем, чем мы были вчера, а не с тем, что представляем собой сегодня. Мы молимся не для того, чтобы испытать то или иное переживание, услождающее нас, но для того, чтобы встретить Бога, со всеми возможными последствиями этой встречи; или же чтобы принести Ему то, что мы хотели принести, и предоставить Ему сделать с этим все, что Он Сам захочет.

Нам надо также помнить, что мы всегда должны приближаться к Богу с сознанием, что мы Его не знаем. Мы должны приближаться к непостижимому, таинственному Богу, Который открывает Себя так, как хочет; когда бы мы ни приходили к Нему, мы находимся перед Богом, Которого еще не знаем. Мы должны быть открыты для всякого проявления Его Личности и Его присутствия.

Мы можем многое знать о Боге из своего собственного опыта, из опыта других, из писаний святых и учения Церкви, из свидетельства Священного Писания; мы можем знать Его благим, смиренным, знать, что Он – огонь палящий, что Он – наш Судия, что Он – наш Спаситель, и многое другое; но мы должны помнить, что в любое время Он может открыть Себя таким, каким мы Его никогда не знали, даже в рамках этих общих категорий. Мы должны благоговейно стоять перед Ним и быть готовыми встретить Того, Которого встретим, – Бога, Который нам уже знаком, или Бога, Которого мы даже не узнаем. Он может дать нам какое-то понимание того, что Он есть, и это окажется совершенно не тем, чего мы ожидали. Мы надеемся встретить Иисуса кроткого, сострадательного, любящего, а встречаем Бога, Который судит и осуждает нас и не допускает нас близко в настоящем нашем состоянии. Или же мы приходим в покаянии, ожидая, что будем отвергнуты, и встречаем сострадание. На каждом этапе Бог для нас частично известен и частично неизвестен. Он Себя открывает – и в этой мере мы Его знаем, но мы никогда не познаем Его полностью, всегда будет оставаться божественная тайна, сердце

тайны, куда мы никогда не будем способны проникнуть.

Познание Бога может быть дано и принято только в общении с Богом, только если мы разделяем с Богом то, что Он есть, в той мере, в какой Он приобщает нас к Себе. Буддийская мысль иллюстрирует это рассказом о соляной кукле.

Соляная кукла после долгого путешествия по сухе пришла к морю и обнаружила нечто такое, чего никогда прежде не видела, и не могла понять, что это. Она стояла на твердой почве, плотная маленькая кукла из соли, и видела, что есть другая почва, подвижная, неверная, шумная, странная и неведомая. Она спросила море: “Кто ты?” И оно сказало: “Я – море”. Кукла спросила: “Что такое море?” И ответ был: “Это я”. Тогда кукла сказала: “Я не могу понять, а хотела бы; но как?” Море ответило: “Коснись меня”. Кукла робко выставила вперед ногу, прикоснулась к воде и испытала странное впечатление, будто что-то начало становиться познаваемым. Она вынула ногу из воды и увидела, что у нее нет пальцев; испугавшись, она сказала: “Где же мои пальцы, что ты со мной сделало?” И море сказало: “Ты отдала нечто для того, чтобы понять”. Постепенно вода смывала у куклы частицы ее соли, а кукла заходила все дальше и дальше в море, и в каждое мгновение у нее было чувство, что она узнает все больше, но все-таки не может сказать, что такое море. Она заходила все глубже и растворялась все больше, повторяя: “Но что же такое море?” Наконец, последняя волна растворила остатки ее, и кукла сказала: “Это я!” Она познала море, но не воду.

Не проводя абсолютной параллели между буддийской куклой и христианским познанием Бога, мы можем найти в этом маленьком рассказе много правды. Святой Максим приводит пример раскаленного докрасна меча: меч не знает, где кончается огонь, и огонь не знает, где начинается меч, так что можно, говорит Максим, резать огнем и жечь железом. Кукла познала, что такое море, когда при всей своей малости она стала простором моря. Так бывает и с нами, когда мы входим в познание Бога: не мы вмещаем в себе Бога, но сами содержимся в Нем, и в этой встрече с Богом становимся самими собой, обретая покой в Его беспредельности.

Святой Афанасий Великий говорит, что восхождение человека к обожению начинается с момента его сотворения. С самого начала Бог дает нам нетварную благодать, чтобы мы могли достигнуть единения с Ним. С православной точки зрения не существует “естественного человека”, которому подается благодать как какое-то добавление. Первое слово Божие, вызвавшее нас из небытия, было и первым нашим шагом к

исполнению нашего призыва, дабы Бог был во всем и мы в Нем, как и Он в нас.

Мы должны быть готовы к тому, что наш последний шаг в отношениях с Богом будет актом чистого поклонения, лицом к лицу с тайной, в которую мы не сможем проникнуть. Мы вырастаем в познание Бога постепенно, из года в год, до конца нашей жизни, и будем продолжать то же и в вечности, никогда не достигая точки, когда смогли бы сказать, что теперь знаем все, что можно познать о Боге. Этот процесс постепенного познания Бога приводит к тому, что в каждое мгновение мы стоим со своим прошедшим опытом перед тайной Бога познаваемого и все еще неведомого. То малое, что мы знаем о Боге, затрудняет для нас познание большего, потому что большее нельзя просто прибавить к меньшему; каждая встреча влечет за собой такое изменение перспективы, что все, что мы знали раньше, становится почти неверным в свете того, что мы узнали после.

Это справедливо и в отношении всякого знания, которое мы приобретаем: каждый день мы научаемся чему-то в области естественных или гуманитарных наук, но приобретенное знание имеет смысл только потому, что приводит нас к черте, за которой лежит нечто, что нам еще предстоит узнать. Если мы остановимся и будем повторять то, что уже знаем, мы только попросту потеряем время. И так, если мы желаем встретить в молитве реального Бога, нам надо прежде всего понять, что все приобретенное прежде знание привело нас к тому, чтобы стоять перед Ним. Все это ценно и значительно, но если мы не будем идти вперед, это знание перестанет быть реальной жизнью, но превратится в призрачную, бледную тень; это будет воспоминание, а жить воспоминаниями невозможно.

В наших отношениях с людьми мы неизбежно поворачиваем лишь одну грань своей личности к одной грани личности другого; это может быть хорошо, если ведет к установлению контакта; это может быть плохо, когда мы делаем так, чтобы использовать слабости другого. Мы и к Богу поворачиваем также одну свою грань, ту, которая ближе всего к Нему, доверчивую или любящую сторону. Но мы должны помнить, что никогда не встречаемся с одной только гранью Бога: мы встречаем Бога в Его целостности.

Приступая к молитве, мы надеемся почувствовать Бога, как кого-то, кто здесь присутствует, надеемся, что наша молитва будет если не диалогом, то, по крайней мере, речью, обращенной к тому, кто слушает. Мы боимся, что можем не ощутить вообще никакого присутствия, и будем

говорить, словно в пустоту, где никто не слушает, не отвечает, не интересуется. Но это чисто субъективное впечатление; если мы сравним свой молитвенный опыт со своими обычными повседневными человеческими контактами, мы можем вспомнить, что иногда человек очень внимательно слушает нас, а нам кажется, что слова наши падают в пустоту. Наша молитва всегда достигает Бога, но не всегда ответом на нее бывает чувство радости или мира.

Когда мы говорим о “стоянии” перед Богом, то всегда думаем, что вот здесь – мы, а вон там, вне нас – Бог. Если мы ищем Бога вверху, перед собой или вокруг, то не найдем Его. Святой Иоанн Зластроустый говорит: “Найди дверь внутренней горницы души твоей, и ты увидишь, что это дверь в Царствие Небесное”. Преподобный Ефрем Сирин говорит, что когда Бог создал человека, то вложил в самую сокровенную глубину его все Царство, и задача человеческой жизни – копать достаточно глубоко, чтобы обнаружить это сокровище. Поэтому, чтобы найти Бога, мы должны копать в поисках этой внутренней горницы, этого места, где в самой нашей глубине присутствует все Царствие Божие, где Бог и мы можем встретиться. Лучшее орудие, орудие, которое пройдет через все препятствия – это молитва. Суть задачи в том, чтобы молиться внимательно, просто и правдиво, не заменяя подлинного Бога никаким ложным богом, идолом, плодом нашего воображения и не стараясь предвосхитить какое-либо мистическое переживание. Сосредоточиваясь на том, что мы произносим, веря, что каждое наше слово доходит до Бога, мы можем употреблять свои собственные слова или слова великих духом людей, выражющие лучше, чем это можем сделать мы, то, что мы чувствуем или смутно ощущаем в себе самих. Не во множестве слов мы будем услышаны Богом, а в их правдивости. Обращаясь к Богу со своими собственными словами, мы должны говорить как можно более точно, стремясь не к краткости и не к пространности, а к правдивости.

Бывают моменты, когда молитва льется легко и свободно, и другие моменты, когда у нас появляется чувство, что источник ее высох. Тогда нужно пользоваться молитвами, которые составлены другими людьми и где выражено в основных чертах все то, во что мы верим, даже если в данный момент это и не оживлено для нас глубоким откликом нашего сердца. В такое время наша молитва должна быть двойным актом веры, – веры не только в Бога, но и в самих себя; мы должны поверить в свою веру, которая в данный момент померкла, хотя и является частью нас самих.

Но бывает и так, что нам не нужны никакие молитвенные слова, ни наши собственные, ни чьи бы то ни было, и тогда мы молимся в

совершенном безмолвии. Совершенное безмолвие – это идеальная молитва, при условии, однако, что это подлинное безмолвие, а не мечтательность. Мы очень мало знаем по опыту, что такое глубокое безмолвие тела и души, когда в душе царит совершенная тишина, когда совершенный мир наполняет тело, когда прекращается всякая суета и движение и мы стоим перед Богом до конца открытыми в акте поклонения. Бывают моменты, когда мы чувствуем себя физически хорошо, нам не хочется напрягать ум, мы устали от слов, потому что уже столько произносили их; нам не хочется шевелиться, и мы испытываем радость в этом хрупком равновесии; это тот предел, где можно соскользнуть в мечтательности. Внутреннее безмолвие – это отсутствие всякого внутреннего движения мыслей или эмоций, но это состояние полной бдительности, открытости к Богу. Мы должны, когда можем, хранить полное безмолвие, но никогда не следует допускать, чтобы оно перерождалось в чувство простого удовлетворения. Чтобы уберечься от этого, великие наставники Православия учат нас никогда не оставлять совсем обычных форм молитвы, потому что даже те, кто достиг этого созерцательного безмолвия, прознавали необходимым, когда чувствовали опасность духовного расслабления, вновь употреблять слова молитвы, пока молитва не восстановит в душе безмолвие.

Греческие Отцы считали это безмолвие, которое они называли “исихия”, – и исходным моментом, и венцом молитвенной жизни. Безмолвие – это состояние, когда все силы души и тела пребывают в полном мире, спокойствии, собранности, в состоянии совершенной бдительности и в то же время свободы от всякой суеты и движения. В творениях многих Отцов мы находим образ пруда: пока на поверхности пруда рябь, ничто не может в нем верно отразиться – ни деревья, ни небо; когда же поверхность его совсем спокойна, в нем совершенно точно отражаются небо и деревья на берегу, и все в этом отражении так же четко, как в действительности.

Отцы употребляют и другой образ: пока не осядет ил, поднявшийся со дна пруда, вода не прозрачна и сквозь нее ничего нельзя увидеть. Оба эти сравнения относятся к состоянию человеческого сердца. «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8).

Пока в душе нет тишины, не может быть видения; но когда тишина поставит нас в присутствие Божие, наступает безмолвие совсем иного рода, гораздо более абсолютное: безмолвие души, которая не только пребывает в тишине и собранности, но которую присутствие Божие удерживает в трепете благоговейного поклонения, безмолвие, в котором,

по слову Юлиании Норичской, “молитва соединяет душу с Богом”.

Молитва для начинающих

Мы все – начинающие, и я не собираюсь проводить курс лекций, но просто хочу поделиться кое-чем из того, что я узнал, частью из собственного опыта, а еще больше, пожалуй, из опыта других.

Молитва о своей сути – встреча, встреча души и Бога; но для того, чтобы встреча стала реальной, обе личности, которые в ней участвуют, должны быть действительно самими собой. Между тем, мы в огромной степени нереальны, и Бог, в наших взаимоотношениях, так часто нереален для нас: мы думаем, что обращаемся к Богу, а на деле обращаемся к образу Бога, созданному нашим воображением; и мы думаем, что стоим перед Ним со всей правдивостью, тогда как на деле выставляем вместо себя кого-то, кто не является нашим подлинным “я”, – актера, подставное лицо, театральный персонаж. Каждый из нас представляет собой в одно и то же время несколько разных личностей; это может быть очень богатым и гармоничным сочетанием, но может быть и весьма неудачным соединением противоречащих друг другу личностей. Мы бываем различными в зависимости от обстоятельств и окружения: разные лица, встречающиеся с нами, знают в нас совершенно различных людей, по русской пословице: “Молодец против овец, а против молодца и сам овца”. Как часто это бывает: каждый из нас может вспомнить среди своих знакомых даму, которая – сама любезность с чужими и сущая фурия у себя дома, или грозного начальника, который в семейном кругу – воплощение кротости.

В деле молитвы первая наша трудность – найти, какая из наших личностей должна выступить для встречи с Богом. Это непросто, потому что мы настолько не привыкли быть самими собой, что искренне не знаем, которая из всех личностей и есть это подлинное “я”. И мы не знаем, как его найти. Но если бы мы посвящали несколько минут в день на то, чтобы вдуматься в свои поступки и отношения с людьми, то, возможно, очень приблизились бы к открытию этого; мы заметили бы, каким человеком мы были при встрече с таким-то и таким-то, и кем – уже совсем другим – когда делали то или это. И мы могли бы спросить себя: когда же я был действительно самим собой? Может быть, никогда, может быть, лишь на долю секунды или до известной степени при особых обстоятельствах, с определенными людьми. И вот, в эти пять или десять минут, которые вы можете выделить, – а я уверен, что на протяжении дня это может каждый, – вы обнаружите, что нет для вас ничего более скучного, чем остаться

наедине с самим собой. Обычно мы живем как бы отраженной жизнью. Дело не только в том, что мы представляем собой, в зависимости от обстоятельств, целую серию разных личностей, но и самая жизнь, которая в нас есть, очень часто вовсе не наша, – это жизнь других людей. Если вы заглянете в самих себя и решитесь спросить себя, как часто вы поступаете, исходя из самых глубин своей личности, как часто вы выражаете свое истинное “я”, то увидите, что это бывает очень редко. Слишком часто мы погружены в разные пустяки, которые окружают нас; так вот, в течение этого времени, этих кратких минут сосредоточенности надо оставить все, что не является жизненно важным.

Вы рискуете, конечно, в таком случае, что вам будет скучно наедине с самим собой; ну что ж, пусть будет скучно. Но это не означает, что ничего не остается в нас, потому что в глубине нашего существа мы созданы по образу Божию и это совлечение всего ненужного очень похоже на расчистку прекрасной древней стенной живописи или картины великого мастера, которую в течение веков, поверх подлинной красоты, созданной мастером, закрашивали лишенные вкуса люди. Сначала чем больше мы расчищаем, тем больше появляется пустоты, и нам кажется, что мы только напортили там, где было хоть несколько красоты; пусть немного, но хоть сколько-то. А затем мы начинаем открывать подлинную красоту, которую великий мастер вложил в свое произведение; мы видим убожество, затем промежуточную путаницу, но в то же время можем предугадать и подлинную красоту. И тогда мы обнаруживаем, что мы такое: убогое существо, которое нуждается в Боге, но нуждается в Нем не для того, чтобы заполнить пустоту, а для того, чтобы встретиться с Ним.

Итак, приступим к этому и, кроме того, каждый вечер в течение недели будем молиться такими, очень простыми словами:

“Помоги мне, Боже, освободиться от всего поддельного и найти мое подлинное “я”.

Горе и радость, эти два великих дара Божиих, часто бывают моментом встречи с самим собой, когда мы оставляем все свои обезьяньи уловки и становимся неуязвимыми, недосягаемыми для всей лжи жизни.

Следующая наша задача – исследовать проблему реального Бога, ибо совершенно очевидно, что если мы решаем обращаться к Богу, этот Бог должен быть реален. Все мы знаем, что такое классный наставник для школьника; когда школьник должен к нему явиться, он идет к нему только как к классному руководителю, и пока он не вырастет и не выйдет из-под его власти, ему никогда не приходит в голову, что классный руководитель – человек. Школьник думает о нем в категориях его функций, но это

лишает личность наставника всех человеческих черт, и потому никакой человеческий контакт с ним невозможен.

Другой пример: когда юноша влюблен в девушку, он наделяет ее всевозможными совершенствами; но она может не иметь ни одного из них и очень часто это существо, сфабрикованное из ничего, и в самом деле есть “ничто”, облечено в несуществующие достоинства. Здесь опять-таки не может быть контакта, потому что юноша обращается к кому-то несуществующему. Это верно и в отношении Бога. У нас имеется определенный запас мысленных или зрительных образов Бога, собранный из книг, приобретенный в храме, из того, что мы слышали от взрослых, когда были детьми, а возможно, и от священнослужителей, когда стали старше. И очень часто эти образы не дают нам встретить реального Бога. Они не совсем ложны, потому что в них есть доля истины, и вместе с тем они совершенно не соответствуют реальному Богу. Если мы хотим встретить Бога, мы должны, с одной стороны, пользоваться знанием, которое мы приобрели, будь то лично, будь то посредством чтения, слышания, слушания, но, кроме того, идти и дальше.

Сегодняшнее наше знание о Боге есть результат вчерашнего опыта, и если мы будем обращаться лицом к Богу такому, каким мы Его знаем, мы всегда будем поворачиваться спиной к настоящему и будущему, глядя только на свое собственное прошлое. Поступая так, мы пытаемся встретить не Бога, а то, что уже знаем о Нем. Это иллюстрирует функцию богословия, поскольку богословие – это все наше человеческое знание о Боге, а не то малое, что мы лично уже постигли и узнали о Нем. Если вы хотите встретиться с Богом таким, каков Он есть в действительности, вы должны приходить к Нему с известным опытом, чтобы он подвел вас ближе к Богу, но затем оставить этот опыт и стоять не перед Богом, Которого вы знаете, а перед Богом, вместе уже известным и еще неведомым.

Что же будет дальше? Нечто совсем простое: Бог, Который свободен прийти к вам, отозваться, ответить на ваши молитвы, может прийти и дать вам почувствовать, ощутить Свое присутствие; но Он может и не сделать этого; Он может дать вам почувствовать Свое реальное отсутствие, и этот опыт столь же важен, как и первый, потому что в обоих случаях вы прикасаетесь к реальности Божиего права отзоваться или не отзываться.

Итак, постарайтесь найти свое подлинное “я” и поставить его лицом к лицу перед Богом, таким, каков Он есть, отказавшись от всех ложных образов или идолов Бога. И чтобы помочь вам в этом, чтобы дать вам опору в этом усилии, я предлагаю вам в течение одной недели молиться

следующими словами:

“Помоги мне, Боже, освободиться от всякого ложного Твоего образа, чего бы мне это ни стоило”.

В поисках своего подлинного “я” мы можем испытать не только скуку, о которой я говорил, но и ужас, и даже отчаяние. Эта нагота души приводит нас в чувство; тогда-то мы и можем начать молиться. Первое, чего следует избегать – лжи Богу; это кажется совершенно очевидным, и все же мы не всегда делаем так. Будем говорить с Богом откровенно, скажем Ему, кто мы таковы; не потому что Он не знает этого; но одно дело – принимать тот факт, что кто-то нас любящий знает все о нас, и совсем другое – иметь мужество и подлинную любовь к этому лицу, чтобы говорить с ним правдиво и сказать ему все о себе. Скажем Богу откровенно, что нам не по себе, когда мы вот так стоим перед Ним, что у нас нет настоящего желания встретиться с Ним, что мы устали и предпочли бы лечь спать. Но при этом надо остерегаться вольности или просто дерзости: Он – Бог наш. После этого лучше всего было бы радостно оставаться в Его присутствии, как мы бываем с горячо любимыми людьми, с которыми у нас существует подлинная близость. Мы не испытываем такой радости и такой близости с Ним, чтобы просто сидеть и смотреть на Него и быть счастливыми. А если уж нам приходится говорить, то пусть это будет подлинный разговор. Переложим все наши заботы на Бога, и, рассказав Ему все, так, чтобы Он это узнал от нас самих, оставим попечение о своих заботах, передав их Богу. Теперь, когда Он посвящен в наши заботы, нам не о чем больше беспокоиться: мы можем свободно думать о Нем.

Упражнение этой недели следует, очевидно, присоединить к упражнениям предыдущих недель; оно будет состоять в том, чтобы учиться, поставив себя перед Богом, передавать Ему все наши заботы до единой, а затем оставлять попечение о них; и чтобы получить в этом помочь, будем изо дня в день повторять совсем простую и конкретную молитву, которая определит наше поведение в наших отношениях с Богом:

“Помоги мне, Боже, оставить все мои заботы и сосредоточить мои мысли на Тебе Одном”.

Если бы мы не переложили своих забот Богу, они стояли бы между Ним и нами во время нашей встречи; но мы видели также, что следующим движением – и это очень важно – мы должны оставить попечение о них. Мы должны сделать это в акте доверия, веря Богу настолько, чтобы передать Ему тревоги, которые мы хотим снять со своих плеч. Но что же затем? Мы как будто опустошили себя, в нас едва ли что-то осталось, – что

нам делать дальше? Мы не можем оставаться пустыми, потому что тогда мы наполнимся не тем, чем следует, – чувствами, мыслями, волнениями, воспоминаниями и т.д. Нам нужно, я думаю, помнить, что встреча не означает одностороннюю речь с нашей стороны. Беседуя, мы не только высказываемся, но и выслушиваем то, что имеет сказать собеседник. А для этого надо научиться молчать; хотя это и кажется пустяком, этот момент очень важен.

Помню, когда я принял священство, одной из первых пришла ко мне за советом одна старушка и сказала: “Батюшка, я молюсь почти непрерывно четырнадцать лет, и у меня никогда не было чувства Божия присутствия”. Тогда я спросил: “А давали ли вы Ему вставить слово?” – “Ах, вот что, – сказала она. – Нет, я сама говорила Ему все время, – разве молитва не в этом?” – “Нет, – ответил я, – думаю, что не в этом; и вот, я предлагаю, чтобы вы выделили пятнадцать минут в день и просто сидели и занимались вязаньем перед лицом Божиим”. Так она и сделала. Что же вышло? Очень скоро она пришла снова и сказала: “Удивительно, когда я молюсь Богу, то есть когда говорю с ним, я ничего не чувствую, а когда сижу тихо, лицом к лицу с Ним, то чувствую себя как бы окутанной Его присутствием”. Вы никогда не сможете молиться Богу по-настоящему и от всего сердца, если не научитесь хранить молчание и радоваться чуду Его присутствия, или, если угодно, пребыванию лицом к лицу с Ним, даже если вы Его и не видите.

Очень часто, сказав все, что мы имели сказать, и посидев некоторое время, мы недоумеваем, что же делать дальше. Дальше, я думаю, надо читать какие-либо из существующих молитв. Некоторые находят это слишком легким и в то же время видят опасность принять за настоящую молитву простое повторение того, что когда-то сказал кто-то другой. Действительно, если это просто механическое упражнение, оно не стоит труда, но при этом забывается, что от нас самих зависит, чтобы оно не было механическим – если мы будем произносить слова внимательно. Другие жалуются, что готовые молитвы чужды им, потому что это не совсем то, что выразили бы они сами, это не их высказывание. В каком-то смысле эти молитвы действительно чужды, но лишь в том только, в каком картина великого мастера чужда, непонятна для ученика или музыкант великолепного композитора – для начинающего музыканта. Но в том-то и дело: мы ходим на концерты, в картинные галереи для того, чтобы узнать, что такое настоящая музыка, настоящая живопись, чтобы формировать свой вкус. И вот почему, отчасти, мы должны пользоваться готовыми молитвами – для того, чтобы научиться, какие чувства, какие мысли, какие

способы выражения нам следует развивать, если мы принадлежим к Церкви. Это также помогает в периоды сухости, когда нам почти нечего сказать.

Каждый из нас – это не только то убогое, обнаженное до костей существо, которое мы обнаруживаем, оставшись наедине с самими собой; мы еще и образ Божий; и дитя Божие, которое живет в каждом из нас, способно молиться самыми возвышенными, самыми святыми молитвами Церкви. Мы должны помнить это и пользоваться ими. Я предлагаю, чтобы к прежнему упражнению мы добавили немного молчания, три-четыре минуты, и закончили молитвой:

“Помоги мне, Боже, видеть мои собственные грехи, никогда не осуждать своего ближнего, и вся слава да будет Тебе!”

Прежде чем начать говорить о молитвах, оставшихся без ответа, я хочу попросить Бога, чтобы Он просветил и меня и вас, потому что это трудная и вместе с тем такая жизненно важная тема. Это одно из больших искушений, которое каждый может встретить на своем пути и из-за которого начинающим и даже людям, имеющим молитвенный опыт, бывает очень трудно молиться Богу. Так часто люди молятся и им кажется, что они обращаются к пустому небу.

Нередко это происходит оттого, что молитва их – бессмысленное ребячество. Я помню, как один пожилой человек рассказывал мне, что в детстве он много месяцев просил Бога даровать ему изумительную способность, которой обладал его дядя, – вынимать каждый вечер свои зубы ибо рта и класть их в стакан с водой, и как счастлив он был позже, что Бог не исполнил его желание. Часто наши молитвы – такие же ребяческие, как и эта, и, конечно, они остаются неисполнеными. Мы очень часто бываем уверены, что молимся правильно, но молимся мы о чем-то, что касается и других людей, о которых мы вовсе не думаем. Когда мы молимся о попутном ветре себе, мы не задумываемся о том, что это может оказаться бурей на море для других, и Бог не исполнит прошение, которое принесет вред другим.

Кроме этих двух очевидных моментов, есть и другая сторона вопроса, гораздо более существенная и глубокая: бывает, что мы молимся Богу от всего сердца о чем-то, что со всех точек зрения как будто достойно быть услышанным, и встречаем одно молчание, – а молчание перенести гораздо труднее, чем отказ. Если Бог скажет “нет”, то со стороны Бога это будет все же положительной реакцией, а молчание есть как бы отсутствие Бога, и оно ведет нас к двум искушениям: когда наша молитва не получает ответа, мы сомневаемся – или в Боге, или в себе самих. В отношении Бога

мы сомневаемся не в Его могуществе, не в Его власти сделать то, чего мы желаем, но в Его любви, Его участии. Мы просим о чем-то очень важном, а Он как будто не обращает внимания; где же Его любовь, Его сострадание? Это первое искушение.

И есть другое искушение. Мы знаем, что, имея веру с горчичное зерно, мы могли бы двигать горами (Мф.17:20, Мк.9:23), и когда видим, что ничего не сдвигается с места, то думаем: “Может быть, это значит, что вера моя в чем-то порочна, неистинна?” Это опять-таки неверно, и на это есть другой ответ: если вы внимательно прочитаете Евангелие, то увидите, что в нем есть только одна молитва, не получившая ответа. Это молитва Христа в Гефсиманском саду. Но в то же время мы знаем, что если когда-либо в истории Бог принимал участие в ком-то, кто молился, то, конечно, именно в Своем Сыне перед Его смертью; и мы знаем также, что если был когда-либо пример совершенной веры, то это было именно тогда. Но Бог нашел, что вера Божественного Страдальца достаточно велика, чтобы вынести молчание.

Бог не дает ответа на наши молитвы не только тогда, когда они недостойны, но и тогда, когда Он находит в нас такое величие, такую глубину, – глубину и силу веры, что Он может положиться на нас, на то, что мы пребудем верными даже перед лицом Его молчания.

Я помню одну женщину, неизлечимо больную; много лет она жила в ощущении присутствия Божия, а затем внезапно ощутила Его отсутствие – действительно реальное отсутствие; она написала мне тогда: “Пожалуйста, молитесь Богу, чтобы я никогда не поддалась искушению создать себе иллюзию Его присутствия, вместо того чтобы принять Его отсутствие”. Вера ее была велика. Она была способна выдержать это искушение, и Бог дал ей испытать Свое молчание, Свое отсутствие.

Запомните эти примеры, продумайте их, потому что когда-нибудь вам, наверное, придется оказаться в таком же положении.

Я не могу дать вам никакого упражнения; хочу только, чтобы вы помнили, что мы всегда должны хранить неизменной свою веру и в любовь Божию и в нашу собственную честную, правдивую веру; и когда такое искушение придет к нам, будем молиться молитвой, состоящей из двух фраз, произнесенных Самим Иисусом Христом:

“В руки Твои предаю дух Мой; не Моя воля да будет, но Твоя”. Я попытался дать вам представление о главных путях, какими мы можем подойти к молитве; но означает ли это, что, выполнив все, мною предложенное, вы научитесь молиться? Нет, конечно, потому что молитва – это не просто усилие, которое мы можем сделать в момент, когда

решаем молиться; молитва должна корениться в нашей жизни, и если жизнь наша противоречит нашим молитвам или наши молитвы не имеют ничего общего с нашей жизнью, они никогда не будут ни живыми, ни реальными. Конечно, мы можем найти лазейку и обойти эту трудность, исключив из своих молитв все, что в нашей жизни несовместимо с молитвой, – все то, чего мы стыдимся или что вызывает у нас чувство неловкости перед собой. Но этим ведь ничего не разрешишь.

Другая трудность, с которой мы постоянно сталкиваемся, это мечтательность: тогда молитва наша выражает сентиментальное настроение, а не то, чем наша жизнь является по своей сути. Для этих двух трудностей существует одно общее разрешение, а именно: связать жизнь с молитвой так, чтобы это было единое целое, делать свою молитву жизнью. Очень большую помощь окажут при этом готовые молитвы, о которых я уже говорил, потому что они представляют собой объективный, жесткий образец того, как надлежит молиться. Вы можете сказать, что они для нас неестественны, и это верно, в том смысле, что они выражают жизнь людей неизмеримо более великих, чем мы сами, жизнь подлинных христиан; но потому-то вы и можете пользоваться ими, стараясь стать такого рода людьми, для которых эти молитвы естественны.

Помните слова Христовы: «В руки Твои предаю дух Мой» (Лк.23:46). Они, разумеется, за пределами нашего собственного опыта; но если изо дня в день мы будем учиться быть такого рода людьми, которые способны произносить эти слова искренне, со всей правдивостью, мы не только сделаем свою молитву реальной, мы сами станем реальными – в новой, подлинной реальности становления сынами Божиими.

Если вы возьмете, например, те пять молитв, которые я предложил вам, если вы возьмете одно за другим каждое из этих прошений, если вы постараетесь сделать каждое из них поочередно девизом, лозунгом всего дня, вы увидите, что молитва станет критерием вашей жизни, она даст вам основу вашей жизни, но и жизнь ваша также будет вашим судьей – против вас или за вас, – обвиняя вас во лжи, когда вы произносите эти слова, или, наоборот, подтверждая, что вы веры им. Берите каждую фразу каждой молитвы, пользуйтесь ею как правилом, день за днем, неделю за неделей, пока не станете такого рода человеком, для которого эти слова являются самой жизнью.

Теперь нам предстоит расстаться. Я был бесконечно рад беседовать мысленно с вами, ибо мы объединены молитвой и нашим общим интересом к духовной жизни. Да будет господь Бог с каждым из вас и среди нас вовек.

И прежде чем мы расстанемся, я предлагаю читателю произнести со мной одну краткую молитву, которая соединит нас перед престолом Божиим:

Господи, не знаю, чего мне просить у Тебя. Ты Один ведаешь, что мне потребно. Ты любишь меня больше, нежели я умею любить себя. Дай мне зреть нужды мои, которые скрыты от меня. Не дерзаю просить ни креста, ни утешения, только предстою перед Тобой. Сердце мое Тебе отверсто. Возлагаю всю надежду на Тебя. Ты зри нужды, которых я не знаю, зри и сотвори со мной по милости Твоей. Сокруши и подыми меня. Порази и исцели меня. Благоговею и безмолвствую перед святою Твою волею, непостижимыми для меня Твоими судьбами. Приношу себя в жертву Тебе. Нет у меня желания, кроме желания исполнить волю Твою. Научи меня молиться, Сам во мне молись. Аминь.

Примечания

¹ - Living Prayer. London, 1966. Пер. с англ. Публикации: Журнал Московской Патриархии. 1968. №№ 3–7 (с сокр.); Рига, 1992.

² - C. S. Lewis. Screwtape Letters. Letter XIX. Рус. пер. см. в: К. С. Льюис. Любовь. Страдание. Надежда. М.: Республика. 1992.

³ - В русском синодальном переводе: «Наше жительство – на небесах»:

⁴ - Fr Laurent. (ок. 1605–1691). La pratique de la presence de Dieu., 1948.

⁵ - A. de Chateaubriant (1877–1951). La Reponse du Seigneur.

Содержание

Молитва и Жизнь Антоний, митрополит Сурожский	1
Предисловие1	2
Сущность молитвы	4
Молитва Господня	12
Молитва Вартимея	29
Богомыслие и молитва	32
Молитвы и прошения, оставшиеся без ответа	46
Иисусова молитва	55
Трудническая молитва	59
Безмолвная молитва	63
Молитва для начинающих	75
Примечания	84